

ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

ЛИХОМОРЬЕ

VIVA UMBA

16+

Полина ЛУГОВЦОВА

Лихоморье. Viva Umbra

«Автор»

2022

Луговцова П.

Лихоморье. Viva Umbra / П. Луговцова — «Автор», 2022

Череда жутких странностей в жизни Тильды начинается в театре теней "Viva Umbra": спектакль, похожий на ночной кошмар, заканчивается паникой среди зрителей, затем девушке кажется, что ее младшего брата превратили в паука; у одной из ее подруг появляются признаки одержимости экзотическим демоном; другая впадает в истерику по причине, понятной лишь ей одной. Вскоре Тильда узнает, что чертовщина исходит от торгового дома на Чернавинском проспекте, где продаются товары со скрытыми магическими свойствами, а владельцы бизнеса, по слухам, состоят в оккультной организации, распространившейся по всему миру и имеющей вековую историю. Став пешкой в игре злодеев, Тильда вынуждена отправиться на мистический остров, который сам выбирает своих гостей. Удастся ли ей выполнить задуманное, чтобы выйти из этой игры без потерь? Это вторая книга из цикла «Лихоморье», где история, начавшаяся в первой книге, получает новое развитие. Можно читать отдельно.

© Луговцова П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1. Черный человек	5
2. Одна нога здесь, другая там...	13
3. Сказочник из Лукомории	20
4. Лучшая подруга тень	28
5. Ярмарка мерзостей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Полина Луговцова

Лихоморье. Viva Umbra

1. Черный человек

Город сиял огнями, затмевая звёзды вечернего неба.

До наступления осеннего равноденствия оставались считанные минуты. Двадцать, может быть – тридцать, не больше. Узнать точно, сколько времени отделяло его от смерти, Марк уже не мог: не хватало сил даже на то, чтобы поднять руку и взглянуть на часы, закрепленные на запястье дорогим золотым браслетом, инкрустированным крупными алмазами. Это были особенные часы, отсчитывающие время назад, от той даты, которую его кредитор назначил крайней для уплаты долга. Срок истекал, и не осталось ни единого шанса, чтобы исполнить своё обязательство.

Обидно было умирать именно тогда, когда в свете открывшихся возможностей жизнь засияла новыми красками! Марк даже не успел как следует распробовать эти возможности: примерить на себя несметное богатство, безграничную власть над людьми и бессмертие, которые достались ему за смешную цену – всего-то и нужно было за каждый год такой жизни платить жизнью другого человека. Главным условием было успеть принести дань до осеннего равноденствия.

Но Марк не смог это сделать: то место, куда требовалось доставить жертву, стало совершенно неприступным. Какая ирония судьбы – умирать, зная, что можно жить сотни и даже тысячи лет – до тех пор, пока не надоест и не захочется перейти на другой уровень, перевоплотиться, обрести новую ипостась.

Слово «ипостась», пришедшее на ум, рассмешило Марка, ведь, насколько он помнил, этот термин обычно употреблялся в богословии. Его же предполагаемая ипостась никакого отношения к богу не имела. Внезапно приступ беззвучного смеха, сотрясавший тело, прекратился, но лишь на мгновение, а затем накатил с новой силой от мысли, что дьявол – это тоже бог, только низвергнутый с небес в преисподнюю.

Разноцветные огни, разгонявшие ночную тьму, дрожали и тряслись в глазах Марка, заходившегося в глухом хриплом хохоте, больше похожем на предсмертные хрипы. Казалось, сам город издевательски подмигивал ему, словно пытаясь сказать этим: «Ну что, горожанин, вот пришел и твой черед! Все однажды уходят, но на моих улицах от этого не становится просторнее, на них по-прежнему тесно в такие вот теплые осенние вечера, а в кафе и барах не найти свободных столиков, ведь на смену уходящим людям всегда приходят новые, и жизнь еще очень не скоро покинет меня, в отличие от тебя».

Порыв ветра принес дразнящие ароматы свежей выпечки, молотого кофе и дорогого парфюма вместе с отголосками дружного смеха разгулявшейся компании. Скорее всего, эти запахи и звуки вырвались из приоткрывшейся двери какого-то ресторанчика, расположенного неподалеку, но Марку почудилось, что это сам город рассмеялся ему в лицо, обдав дыханием яркой и веселой жизни, кипевшей в его каменном чреве.

Марк сидел на тротуаре рядом с широким проспектом, привалившись плечом к бетонному парапету, отделанному плиткой из черного мрамора. По проспекту проносились глянцевые автомобили, сверкая лаком и хромом в свете фонарей и неоновых вывесок, по тротуару прогуливались воркующие парочки, бродили шумные ватаги и торопливо пробегали одинокие прохожие, иногда оказываясь от него так близко, что едва не наступали на его вытянутые ноги, но при этом даже не подозревали о его присутствии. А если кто-то замечал носки его новых кожаных туфель, измазанных грязью, и бросал в его сторону быстрый настороженный взгляд,

то сразу отворачивался, пугаясь его вида и наверняка принимая за бездомного больного бродягу, от которого можно подцепить какую-нибудь страшную заразу: Марк давно не смотрелся в зеркало, но понимал, насколько жутко выглядит, судя по тому, как почернела кожа на его руках. Скорее всего, и с лицом произошло то же самое.

А началось все с ногтей. Они отливали синевой с начала лета, после того как Марк целый месяц провел в подземелье заброшенного мерзлотника в Заполярье. Он выбрался лишь чудом, следуя за появившимся там человеком со старинным именем Водима, от которого впоследствии и узнал, что подземельный князь, раздающий великие дары – это не миф, а реальное, пусть и потустороннее, существо. Марк узнал об этом князе из дневника покойного папаша, и, хотя ни единому слову не поверил, но из любопытства все же отправился в указанное место, где и угодил в ловушку, провалившись в подземелье через жертвенную яму на древнем хантыйском кладбище. Резиденцию князя Марк не нашел и прозябал во тьме и холоде до тех пор, пока однажды не услышал шаги Водимы, когда тот явился к князю заплатить свою дань. Благодаря Водиме Марк спасся, а теперь погибал по его же вине, ведь пригоршня огромных алмазов, которую получил от князя его предшественник, стала подтверждением правдивости отцовских откровений, изложенных в дневнике. Алмазы заставили его довести начатое дело до конца.

Марк вернулся в подземелье другим путем, о котором узнал от Водимы, встретился с князем, заключил договор и получил дары, а когда пришло время заплатить дань, вход в резиденцию оказался недоступен: территорию вокруг него обнесли забором и установили круглосуточную охрану. Марку пришлось отпустить на волю приготовленную жертву и вернуться в город, так и не уплатив долг. Какое-то время он надеялся, что его пронесет, но недели две назад синеватые ногти на руках и ногах приобрели угрожающий темно-фиолетовый оттенок, который постепенно сгустился до непроницаемой черноты, а затем начали неметь пальцы. Вскоре конечности потеряли чувствительность, и онемение поползло по всему телу. Страх выгнал Марка на улицу: находиться в одиночестве в ожидании смерти было совсем уж невыносимо. Едва передвигая ноги, он добрался до центра города, собираясь провести там свой последний день и подспудно надеясь на чудо, способное отвести его гибель подобно тому, которое произошло с ним в мерзлотнике, когда судьба послала ему спасителя в лице Водимы. Может быть, она ему и в этот раз кого-нибудь пошлет?

Но время шло, и прохожих вокруг становилось все меньше, а в последний час уходящих суток Марк и вовсе не увидел ни одного. Поэтому, когда перед ним внезапно возникла женская фигура в чёрном плаще, будто выросла прямо из-под земли, он решил, что его час пробил, и за ним явилась сама смерть.

Однако склонившееся над ним лицо, затененное спущенным на лоб капюшоном, оказалось слишком молодым и привлекательным для «старухи с косой». И отчего-то очень сердитым. В больших, но узких, прямо-таки лисьих глазах, полыхала холодная ярость.

– Как вы допустили такое, Козельский?! – сквозь зубы процедила женщина, глядя на Марка, отчего он решил, что она его с кем-то перепутала.

Фамилию «Козельский» Марк уже где-то слышал, причем не так давно. Ему вспомнился тесный душный офис, заваленный кипами бумаг, тяжелые зеленые портьеры на окнах и низенький лысый человечек с пластиковой папкой в потных дрожащих руках. Нотариус! Тот, кто вручил ему дневник покойного папаша, из-за чего Марк угодил в эту смертельную передрагу. Интересно, как незнакомка могла перепутать Марка, пусть даже он сейчас и неважно выглядел, с этим обрюзгшим дряхлым клерком? Ведь трудно найти более непохожих людей! Или все-таки ей нужен был другой Козельский?

– Простите, пани Божена! – донеслось откуда-то сбоку, и выяснилось, что тот самый нотариус Козельский находится поблизости: скосив глаза, Марк увидел и сразу узнал клерка, переминавшегося с ноги на ногу с кожаным кейсом в руках, громоздким, обшарпанным, похожим на футляр для патефона довоенных лет.

– Бог простит! – огрызнулась женщина, метнув быстрый взгляд в сторону собеседника, и вновь уставилась на Марка со злобным прищуром. Протянув руку к его лицу, она двумя пальцами поочередно приподняла его веки, озабоченно заглядывая под них. – Вам было поручено присматривать за новообращенными! И как так у вас вышло, что этот уже не жилец?!

– Ну, знаете... Они всегда так дурно выглядят, эти мертвяки, – проблеял Козельский, робко заглядывая из-за спины разгневанной дамы. Увидев Марка, он заметно вздрогнул. На лице отразилась смесь неприязни и сожаления. – Как только я понял, что дело плохо, сразу же позвонил вам!

– Поздно! Очень поздно! И толку от того, что я вылетела из Варшавы первым же рейсом? Все равно время упущено! – Женщина нервно дернула плечом, отчего полы плаща на миг разошлись в стороны, открыв стройную фигуру, затянутую в брючный костюм из алой ворсистой ткани вроде бархата или велюра. – Теперь нам не избежать кары того, кто все контролирует, вы же это понимаете?

Козельский издал тонкий нечленораздельный звук, похожий на крысиный писк. Но, кажется, его спутница, которую он называл Божейой, расслышала в этом какой-то вопрос, потому что пустилась в рассуждения:

– Ну, даже не знаю... Такая попытка может очень дорого обойтись! У меня имеется скромный запас недожитка, но что, если его не хватит? Пожертвуете своим? Так с вас и взять-то почти нечего. Жалкие крохи! И это при ваших-то возможностях! Что вы там бормочете? Исправитесь? А успеете ли? Обещаниями ничего не исправить. Лучше отправляйтесь-ка в пекло да толкните Вия вилами в правый бок, чтоб он на левый перевернулся и тем самым притормозил вращение Земли! Тогда равноденствие наступит чуть позже обычного, и у этого недотёпы появится шанс.

Марк догадался, что «недотёпа» относилось к нему. Глаза Козельского округлились от ужаса. Заметив это, женщина откинула голову и расхохоталась. Капюшон соскользнул на плечи, и россыпь белокурых локонов задрожала на складках шелковой ткани.

Марк решительно ничего не понимал, но особенно и не пытался, убежденный в том, что наблюдает галлюцинации, сопровождающие его смертельную агонию.

– Успокойтесь, я пошутила насчет пекла! – сообщила женщина Козельскому, отсмеявшись. – Послушайте, да не тряситесь так, не то, чего доброго, уроните и расколотите очень ценную вещь! И что тогда? Ведь старина Эдисон не вернется с того света, чтобы починить аппарат. Он слишком зол на этот мир за то, что у него украли его изобретение. После смерти Томас ни разу не вышел на связь, а зря. Думаю, ему было бы любопытно увидеть, как мы усовершенствовали его устройство. Берегите наследие великого изобретателя, как зеницу ока. И поставьте уже его на землю, умоляю! Целее будет!

Козельский так поспешно выполнил приказ, что переусердствовал, и дно чемодана звонко кляцнуло о выпуклую брусчатку тротуара. Перепугавшись, клерк принялся усердно смахивать пыль с кожаных боков ценной ноши, но это не уберегло его от очередной гневной тирады, тотчас разнесшейся по пустынной улице.

Марку порядком надоела эта нервная особа, и он хотел было послать её куда подальше заодно с нотариусом, но вместо слов из его горла вырвался жуткий хрип. Бойкая дама тотчас замолчала, потеряла интерес к Козельскому и принялась торопливо рыться в складках своего демонического наряда. Вскоре в ее тонких пальцах появилась маленькая склянка вроде флакончика духов. Сжимая ее острыми ноготками, бурыми и отливающими нездоровой зеленью, какая бывает на подгнившем мясе, незнакомка открутила золоченую крышечку и, присев рядом с Марком, ткнула горлышком склянки прямо ему в нос. В его ноздрях тотчас защекотало, и, отдернув голову, он увидел струйку серебристой пыли, выходящую у его лица. А внутри склянки бушевал настоящий вихрь из такой же пыли, продолжая выбрасывать сверкающие пылинки через узкое отверстие в горлышке. «Черт, что еще за колдовство?» – подумал Марк,

но не испугался: едва ли эта женщина собиралась таким образом убить его, ведь он и так был без пяти минут трупом. Тем более, ему сразу же полегчало после того, как пыль, попавшая в нос, проникла глубже: он почувствовал приятное покалывание в голове, и сознание немного прояснилось.

Женщина отняла от его лица флакончик, медленным поглаживающим движением закрутила колпачок и, прищутив без того узкие лисьи глаза, устремила пристальный взгляд сквозь стекло. Пыль, кружившаяся внутри флакона тонкой змейкой, плавно улеглась на дно, и брови красотики изогнулись, складываясь «домиком»: кажется, ей было очень жаль истраченного порошка.

Она с неприязнью взглянула на Марка.

– Вставай, рухлядь! – Это была первая фраза, адресованная непосредственно ему.

Марк не собирался подчиняться этой чересчур самоуверенной особе, но отчего-то против воли конвульсивно дернул ногами. Задники туфель стукнули по брусчатке. И хотя Марк ждал смерти, которая должна была наступить с минуты на минуту, а все же не стал списывать это движение на предсмертные судороги, потому что ему становилось все лучше. Он даже смог поднять и поднести к глазам левую руку, чтобы взглянуть на часы. Золотые стрелки блеснули в свете фонарей, показывая полночь. Осеннее равноденствие наступило. За три тысячи километров отсюда, на северном полюсе, началась полярная ночь: солнце скрылось за горизонтом и теперь вернется только через полгода. Последний час отпущенного Марку срока истек, но, как ни странно, он все еще был жив!

– А ну, пошевеливайся! Хватит притворяться трупом! – снова раздался над ним грозный окрик. – Недожитка в тебя вошло лет на десять, не меньше! А он, между прочим, не задаром мне достается.

– Что за недожиток? – проямлил Марк, догадываясь, что речь идет о серебристом порошке из флакончика.

– О! Заговорил! Оклемался, значит! – радостно сообщила Божена Козельскому. – Помогите же ему встать! У меня терпения не хватит дожидаться, пока этот чахлик соизволит воспользоваться халявой, которую только что получил! И отряхните, что ли, его, а то нас с ним не пустят в такси!

– Такси? – удивился Козельский. – Но до штаб-квартиры всего пара шагов! Или вы надумали поехать в другое место?

– Нет, не надумала, но так будет быстрее, чем волочь на себе этого жалкого мертвяка, который все еще сомневается в своей способности передвигать ногами.

Слово «такси» прозвучало так обнадеживающе, что Марк даже не стал огрызаться на «чахлика» и «мертвяка». Его собирались отвезти на какую-то квартиру! Кажется, смерть пока откладывалась. Не зря он весь день проторчал на этом тротуаре! Чудо все-таки произошло: судьба послала ему спасение в лице загадочной незнакомки, и хотя это не означало прощения долга и даже наоборот, Марк еще глубже погряз в нем, но, похоже, ему продлили срок кредита!

Козельский подхватил Марка под мышки, поставил на ноги и осыпал похлопываниями сверху донизу, смахивая пыль с одежды так же тщательно, как недавно – с чемодана.

Закутываясь в плащ, Божена отступила на шаг, презрительно сморщив свой изящный тонкий носик:

– Фу, сколько грязи! Как с придверного коврика, который тыщу лет не трясли! Гляньте, у него все плечи в птичьем помете! Боюсь, что в такси нас все-таки не пустят.

Но их пустили, и еще как! Водитель даже выбрался из-за руля, чтобы открыть им двери и почтительно кивнул Марку, будто узнал в нем важную персону.

– Ведь можешь, когда захочешь! – прошипела Божена, когда уселась рядом с Марком на заднее сиденье, предложив Козельскому устроиться впереди.

Марк сам удивился тому, что дар сработал, и откуда только силы взялись? Благодаря этому дару он мог заставить людей видеть себя тем, кем хотел казаться, и сейчас предстал перед таксистом успешным бизнесменом, образ которого нашел в его же, таксиста, памяти.

До нужного места домчались за считанные минуты. Марк хорошо знал город и помнил, что в двухэтажном доме дореволюционной постройки, протянувшемся вдоль улицы на добрую сотню метров, помимо ресторанчиков и бутиков, располагались многочисленные выставки и антикварные лавки, но жилых квартир там точно не было. Хотя... кажется, речь шла о *штаб-квартире*, а ведь это совсем не то же самое. Такие квартиры, как правило, бывают засекречены и находятся под прикрытием чего-то другого, обыденного.

Отпустив таксиста, отказавшегося брать с них плату за проезд, Божена и Козельский повели Марка вдоль фасада этого старого, но хорошо отреставрированного дома, затем свернули в сквозную арку в центре здания и, миновав короткий, но очень темный тоннель, вышли во двор.

Несмотря на поздний час, откуда-то сверху полилась музыка, что-то сказочное вроде знаменитой композиции «В пещере горного короля» Грига, с такими же колдовскими нотками и медленно нарастающим ритмом. Длинные тени зашевелились на стенах, будто толпа мистических существ подкрадывалась к ним со всех сторон, и Марк то и дело боязливо озирался, опасаясь, что в спину вот-вот вцепится какой-нибудь злобный тролль. В темноте метались огоньки – возможно, лишь отблески кошачьих глаз, но уверенности в этом у Марка не было. Не было уверенности даже в том, что центр города – его лучшая историческая часть с ярко освещенными улицами – по-прежнему находился в паре десятков шагов за сквозной аркой: кирпичные стены окружали двор со всех сторон и, казалось, смыкались где-то в незримой вышине подобно пещерным сводам. С некоторых пор Марк жутко боялся пещер. Странно, что, прожив всю жизнь в городе, он понятия не имел об этом дворе.

Музыка звучала все громче и быстрее, но ни в одном из окон не горел свет. Зато откуда-то потянуло запахом хорошей еды: жареного мяса, свежей выпечки, душистыми пряностями. На Марка накатила острая приступ голода, и в животе тоскливо завывало. Он не помнил, когда ел в последний раз.

– Э-э... А там, куда мы идем, найдется что перекусить? – спросил он, отыскав взглядом Божену. Ее черный, с глянцевым блеском, плащ развеялся впереди.

– Там, куда мы идем, лучшая еда в мире! – донеслось в ответ. – Нас ждет царский ужин. Ты-то, конечно, ничего подобного не заслужил, но скверной еды там не подают, потому как недостойных людей не принимают. Только ради меня для тебя сегодня сделают исключение.

Звуки ее голоса гулко отражались от стен.

Божена остановилась перед дверью, наполовину скрытой кованой оградой. Полы плаща плавно осели и прильнули к ее бокам подобно крыльям летучей мыши. Лязгнул замок, и ажурная металлическая дверца распахнулась. Божена тенью проскользнула в образовавшийся проем.

– Осторожнее, здесь спуск, шесть ступенек вниз! – Послышалось ее предостережение, явно адресованное Марку, потому что Козельский, несмотря на объемный чемодан в руках, слишком уверенно двигался за своей спутницей, и это наводило на мысль о его причастности к числу почетных гостей, которых тут потчевали кулинарными изысками. Перед входом в здание нотариус пропустил Марка вперед, вошел следом и запер дверь. Запах еды усилился, а музыка стала ближе, сотрясая пространство трубным ревом и барабанным грохотом.

Узкая деревянная лестница, ведущая наверх, надрывно застонала под ногами гостей, выдавая свою ветхость и преклонный возраст. Ее тяжелый стон прокатился до самого верха, а оттуда слышались чьи-то торопливые шаги. Кто-то спускался им навстречу, гнусаво бормоча: «Приехала! Надо же, приехала!» А затем явно простуженный мужской голос просипел очень близко, прямо над головой:

– Милости просим, пани Божена! Заждались вас, заждались!

Над перилами этажом выше замаячило чье-то безбородое вислощёкое лицо, снизу освещенное дрожащим пламенем свечи, которую встречавший держал в руках. По его лицу скользили тени, отчего казалось, что человек гримасничает.

– Грабарь, вы там совсем страх потеряли, что ли? – вместо ответного приветствия возмущенно отозвалась Божена, запрокидывая голову и посылая ему испепеляющий взгляд.

– Ох, простите меня, остолопа! Совсем забыл! Как там погода?

– Будьте здоровы! – громко и отчетливо, но совершенно невпопад ответила она, и Марк догадался, что это был такой явочный пароль.

Догадку подтвердили следующие слова Божены:

– С такой беспечностью вы нас когда-нибудь всех погубите, Грабарь! Дверь не заперта изнутри на задвижку, как было велено делать в таких случаях, а вы не глядя сыплете приветствиями! А вдруг это пришла бы не я?! Вы ведь прекрасно знаете, какая на нас идет охота!

– Простите, пани Божена! По случаю вашего приезда я совершенно потерял голову! Вы так редко радуете нас визитами! – Суетливо переминаясь с ноги на ногу, встречавший покосился на Марка. – А... кто это с вами?

– С этого надо было начинать, а теперь уже поздно задавать вопросы. Я представляю его на собрании. Лучше скажите, все уже в сборе? Или ждете еще кого-то?

– Все, все здесь, и давно!

– Тогда выключите эту музыку, она действует мне на нервы! – потребовала Божена, устремляясь вверх по лестнице. Каблуки ее туфель яростно застучали о старые ступени.

– Но... вы сами выбрали Грига в качестве позывного! – робко возразил мужчина, почти-точно отступая к стене и давая дорогу важной гостье.

– Верно. После премьеры в тысяча восемьсот девяносто шестом этой мелодией было очаровано всё мировое культурное общество, включая и меня. С тех пор эта музыка мне порядком приелась! – поравнявшись с собеседником, Божена на секунду остановилась, смерила его недовольным взглядом и повернула к следующему лестничному маршу. Полы плаща разметались в стороны и с шуршанием заскользили по стене и перилам.

Подняв свечу над головой и потрясая круглым брюшком, человечек поспешил вслед за гостьей, не замечая Марка и Козельского, оставшихся позади.

– На что прикажете поменять? На Вивальди? Или на Моцарта? А может, лучше подобрать что-нибудь современное? – услужливо бормотал он, тяжело топая и шумно дыша.

– Вы меня утомили, Грабарь! Не надо ничего менять, просто выключите. Не в музыке дело, неужто не ясно?

– Понял, понял! – ответил тот, запуская руку в карман полосатого жакета. Музыка внезапно смолкла, как по волшебству. По всей видимости, в кармане у Грабаря лежал пульт от стереосистемы с большим радиусом действия. Теперь лишь скрипы старой лестницы и звуки шагов нарушали тишину.

Перед входом в коридор Марк споткнулся о порог, чертыхнулся и сердито воскликнул:

– Почему везде темень такая? Что, света нет?

Божена вдруг встревожилась и злобно зашипела, но почему-то не Марку, а их провожатому:

– Надеюсь, вы сегодня не пользовались электрическим светом?!

– Нет-нет, что вы, как можно! – испуганным голосом заверил ее Грабарь. – Мы никогда не нарушали ваших указаний! Сегодня жгли только свечи! Мы даже в стереосистеме убрали все лампочки!

– Смотрите у меня! Это не шутки!

Сгорая от любопытства, Марк рискнул поинтересоваться:

– А что такого ужасного в электрическом свете?

Божена презрительно фыркнула, но все-таки ответила:

– Электрическое поле от ламп накаливания создает помехи, которые искажают запросы, отправленные машиной Эдисона в потусторонний мир. Великому изобретателю не повезло, он умер, так и не узнав главную причину неудачных опытов общения с духами. Но, к счастью, нашелся умелец, усовершенствовавший его устройство. Он разработал лампы, вырабатывающие свет другого качества и создающие особое поле, в котором растворяются границы материального и нематериального миров. Это поле несовместимо с электрическим. Даже если лампы накаливания выключить за час до начала сеанса, все равно может возникнуть сбой, поэтому я требую, чтобы за сутки до моего приезда такими лампами в доме не пользовались.

– Интересно. Никогда не слышал ничего подобного! – недоверчиво воскликнул Марк.

– Ты даже не представляешь, как много интересного еще не слышал! – Божена надменно хохотнула, и Марк подумал, что смех у нее даже более неприятный, чем голос.

Неожиданно в разговор вклинился молчавший все это время Козельский:

– Пани Божена, мне кажется, что новообращенный уже достаточно окреп и может понести ваше устройство дальше!

– Дальше? – удивился Марк. – Разве мы еще не пришли?

– Почти пришли, но впереди нас ждет довольно трудный участок пути, – загадочно произнесла Божена. – Пожалуй, Козельский прав. Возьми-ка у него мой багаж!

Нотариус тут же сунул чемодан в руки Марку и предостерег:

– Неси его осторожно, ты ведь понял, какую ценность тебе доверили!

– Тоже мне, нашли тяжесть! – усмехнулся Марк, пробуя ношу на вес. – Да тут десять кило, не больше.

Но, как оказалось, дело было не в весе, а в необъятных габаритах старого баула, который с трудом проходил в те узкие лазейки, через которые им пришлось протискиваться. Марку показалось, что он попал в лабиринт с секретными переходами: они были замаскированы под глухие шкафы, ростовые зеркала и огромные, во всю стену, картины. Порой потайные ходы обнаруживались в совсем уж неожиданных местах вроде санузла или окна, которое выходило не наружу, а в другую комнату, и нужно было перелезть через подоконник. Но самый неожиданный лаз поджидал их в чучеле двухметрового медведя – дверца, скрытая под шерстью, вела прямо внутрь его туловища, прикрывавшего проем в стене.

На двери, ведущей в помещение с медведем, висела табличка. Пока Грабарь отпирал замок, гремя огромной связкой ключей, Марк успел прочесть надписи на сверкнувшем в пламени свечи золотистом прямоугольнике:

ВЫСТАВКА ЧУЧЕЛ

Мастер-таксидермист Грабарь А.П.

Ниже мелким шрифтом были указаны часы работы: «Понедельник-суббота с 10.00 – 21.00, воскресенье – выходной».

Едва отворилась дверь, у Марка в глазах зарябило от обилия чучел зверей и птиц, наполнивших небольшое помещение: целые стаи разномастной живности окружали медведя-великана, царственно восседавшего у стены напротив. Кого там только не было! Волки, лисы, песцы, зайцы, барсуки, бобры и еще какая-то пушистая мелочь вроде сусликов и хорьков, столбиками застывших на высоких постаментах. Все они, казалось, замерли лишь на миг, застигнутые врасплох посреди магазина, но собирались вот-вот броситься врассыпную. Из стен на полутораметровой высоте от пола выступали угрюмо склоненные головы лосей. Их ветвистые рога были как бусинами, обсыпаны пестрыми мелкими пташками. А под потолком, сверкая янтарными глазами, распростерлись остроклювые коршуны, будто слетелись попить и готовились камнем обрушиться на выбранную жертву.

Разглядеть все это изобилие Марку удалось лишь благодаря тому, что магазин полностью освещался в отличие от всех прочих комнат, где из крошечного мрака пламенем свечи выхва-

тивались только отдельные фрагменты интерьера. Однако и здесь свет исходил от свечей, расставленных по углам, поэтому освещение все равно было тусклым и неровным. Из-за теней, рожденных дрожащим огнем, казалось, что вся живность вокруг дышит, шевелится, принюхивается и присматривается. У крупного зайца с простреленным ухом, расположившегося рядом с медведем, даже дернулся один глаз, когда Марк стукнул чемоданом о дверцу перед тем, как нырнуть в проем потайного хода на теле косолапого.

2. Одна нога здесь, другая там...

Сразу за порогом клубились облака, похожие на сбившихся в стадо упитанных овец. Подобно этим суетливым животным, они сталкивались друг с другом, отчего казалось, что колеблется все небо до самого горизонта. Хотелось отправиться в путешествие по этим молочно-белым бугоркам в крутых завитушках, идти и идти не оглядываясь, пока не окажешься далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятom царстве, о котором сложено столько сказок. Тильда верила, что оно там есть, ведь однажды почти увидела его. Не само царство, а лишь несколько башенок, выступавших из тумана над волшебным островом. Тогда ей не удалось туда попасть: нужно было ждать неизвестно сколько, пока остров будет раздумывать, принимать ли ему новую гостью, а она спешила. Теперь Тильда готова была ждать хоть вечность, если б ей удалось вновь увидеть знакомый берег. Она догадывалась, что нужно просто идти и ни за что не смотреть назад. Ведь позади осталась дверь в ванную – самую обычную ванную, расположенную в квартире на двенадцатом этаже недавно выстроенного и очень красивого, но самого обычного высотного дома, каких не счесть в городе. Стоит увидеть эту дверь, и небо тотчас исчезнет, а с ним и скрытый вдали волшебный остров вместе со всеми тайнами и чудесами, хранящимися там от начала времен.

Тильда коснулась носком ноги пушистого облачка и слегка надавила. Розовая плюшевая тапочка провалилась в белую массу, но не очень глубоко. Облако примялось, но спружинило под ногой, как резиновый мяч для фитнеса. Все правильно: над сказочной страной и облака должны быть сказочными. Наверняка они выдержат ее вес. Но Тильда медлила, опасаясь ступить туда. Неизвестно, чем может закончиться такая прогулка. Что, если, оглянувшись после нескольких шагов, она не увидит двери? Вдруг позади окажется такое же небо? Но ведь тогда вернуться домой будет уже нельзя.

Облака уплывали вдаль, подгоняемые ветром. В просветах между ними, внизу, у самой земли, виднелись яркие, разноцветные пятна. Тильде казалось, что в зеленых она узнаёт листву деревьев, в пронзительно синих и лазоревых – распростертые крылья гигантских птиц, а в сверкающе-голубоватых, полупрозрачных и похожих на лёд, – стены роскошного дворца, в котором ей довелось побывать однажды. С тех пор прошло целое лето, и всё это время ее донимали мысли о том, что же это было за место, существовало ли оно в реальности или только в ее воображении, и можно ли попасть туда снова. Путь к ответам лежал прямо перед ней, но Тильда стояла на пороге ванной, не решаясь сделать шаг. Легкий ветерок трепал ее светлые, одного цвета с облаками, волосы, холодил щеки, обнимал за плечи, тербил подол сорочки, сдувая с голых ног капельки воды, упавшие с волос, еще мокрых после душа. Это был ветер *оттуда*. Ведь *здесь*, в обычном мире, за дверью ванной находился коридор ее квартиры, в который никогда не залетали никакие ветры.

Тильда зажмурилась, отступила назад, закрывая дверь перед собой, а затем вновь толкнула ее наружу и открыла глаза.

Все было в порядке. Никаких ветров и облаков. Только родные стены, оклеенные кремовыми обоями с рельефной фактурой. Можно смело выходить.

После возвращения из школы-интерната, где Тильда провела зиму и весну, фокус с дверями повторялся несколько раз. Происшествие в ледяном подземелье Заполярья, чудом не закончившееся ее гибелью, что-то изменило в ней. Как будто с тех пор она всегда была одной ногой *там*.

Вынув из шкафчика фен и расческу, Тильда, наконец, решила покинуть ванную и отправилась к большому зеркалу в прихожей, ступая при этом с такой осторожностью, словно пол под ногами в любой момент мог превратиться в рыхлые облака. Увидев себя в зеркале, она принялась пристально рассматривать свое лицо. На лбу с правой стороны, почти у виска,

наливался синяк. Теперь у Тильды не осталось сомнений: другой мир открывался ей в момент эмоциональной встряски вроде сильного испуга или вспышки боли. Наверняка сказочное небо за дверью появилось после её падения в ванной, где она поскользнулась на залитом мыльной водой кафельном полу и влетела лбом в дверной косяк.

В прошлый раз это случилось в торговом центре: она замечталась на эскалаторе и не успела сойти с последней ступеньки, когда та распрямилась и убежала из-под ног, исчезнув в полу. Потеряв равновесие, Тильда подвернула ногу и упала. Сразу сбежалась администрация, кто-то предложил отвезти ее в травматологию, кто-то сунул листовку со скидками на товары. Тильда с трудом отделалась от назойливых работников торгового центра, заверив, что никаких травм у нее нет, а на выходе за разъехавшимися в стороны стеклянными дверями ее поджидал сюрприз: всю автомобильную парковку вместе с людьми и машинами скрывал белый туман. В следующий миг она поняла, что под ним вовсе не парковка, и хотела было отпрянуть, вернуться под своды торгового центра, но по инерции ее уже вынесло наружу, и ноги по колено погрузились в пышное облако.

– Девушка, вам помочь? – Голос за спиной заставил ее обернуться. Облака сразу исчезли, зато появились толпы снующих взад-вперед людей, которым она, стоявшая прямо перед входом, явно мешала.

А однажды другой мир открылся ей не белым и пушистым морем облаков, а темными сводами Лунного чертога – так называл ледяную пещеру жуткий, похожий на ходячий скелет, тип, повстречавшийся ей в ледяном подземелье, куда она угодила в прошлом июле, поверив обещаниям охранника интерната отвести ее в Лукоморье. Как выяснилось, этот охранник – его звали Водима Бранимирович – заманил туда не только Тильду, а еще нескольких воспитанников интерната. Каждое лето он уводил в пещеру по одному, иногда и по два человека, следуя тайным путем через подземный ход, начинавшийся за дверцей в мерзлотнике – подземном хранилище для мяса и рыбы, которым никто не пользовался из-за слухов о птицеобразных существах, якобы обитавших там. Этими существами оказались дети, выжившие под ледяными сводами благодаря гагарам, залетавшим под землю через провал на хантыйском кладбище. Птицы издавна облюбовали укромное место рядом с горячим источником и устроили там гнездовье. За долгие годы на земле скопился толстый слой птичьих перьев, остававшихся после линьки. Дети мастерили из них теплые перьевые накидки, и, закутанные в такое одеяние с головы до пят, походили на птиц с человеческими лицами. В таком виде их и нашли спасатели, когда спустились в подземелье в поисках Тильды, организованных ее отцом.

Пол в некоторых ледяных туннелях сплошь покрывали человеческие скелеты в истлевших лохмотьях. Их было так много, что подсчитать точное количество удалось только спустя какое-то время, после того, как на место происшествия прибыли эксперты-криминалисты. Они установили, что возраст некоторых останков доходил до двух, а то и трех сотен лет, а значит, в их смерти был повинен не охранник интерната, а кто-то другой.

Допросить охранника не удалось, он умер при задержании от неизвестной болезни, в считанные часы превратившей его тело в черную мумию, чем перепугал выдавших виды полицейских.

Водима Бранимирович и при жизни выглядел устрашающе: огромные фиолетовые тени под глазами, никогда не сходившие с его лица, ввалившиеся щеки, страшная худоба и синие ногти делали его похожим на Кощея Бессмертного. Или на типа из Лунного чертога, называвшего себя подземельным князем. Правда, Тильда подозревала, что в отличие от охранника князь не существовал в реальности. И в то же время она была уверена, что он ей не почудился, хотя отец говорил о скоплении газов в той пещере, которые вызвали у нее галлюцинации. Ее отец был геологоразведчиком и занимался поиском газовых месторождений, поэтому о подземных газах он знал абсолютно все. И, конечно, не верил в существование ходячего скелета из другого мира. Тильда тоже хотела бы счесть его бесплотным видением, но тонкие шрамы,

оставленные на ее запястье ногтями князя, там, где он схватил ее за руку, не давали ни малейшего шанса на это. Ей удалось вырваться и убежать, после чего она и сама не поняла, как оказалась в цветущем саду, в окружении прекрасных птиц-девиц с диковинными именами – Гамаюн, Алконост и Сирин, знакомых ей по древним славянским мифам.

Птицы-девицы были добры к ней, но не хотели ее отпускать, а Тильду не устраивала перспектива остаться в том саду навсегда, ведь ей казалось, что это будет равносильно физической смерти. И хотя птицы предлагали ей выбор из трех заманчивых вариантов – поселиться в алмазном дворце, улететь на небо или отправиться на волшебный остров (при условии, что он ее выберет своей гостьей, конечно), но Тильда захотела вернуться в свою обычную жизнь, рискуя при этом вновь оказаться в Лунном чертоге, в плену у скелетообразного князя.

К счастью, все обошлось, отец нашел и спас ее, но с тех пор зловещий облик князя часто возникал в ее памяти, заставляя покрываться липким холодным потом. Тильда надеялась, что со временем ужасные воспоминания сотрутся, но словно протестуя против забвения, князь неожиданно напомнил ей о себе: она снова увидела его!

Это случилось в один из последних августовских вечеров, еще теплых, но уже пронизанных прохладным осенним дыханием. Тильда в компании подруг прогуливалась по широкому тротуару, недавно вымощенному добротной брусчаткой из натурального камня. Слева шумел проспект, забитый урчащими автомобилями, справа, за огромными, ярко освещенными окнами модных магазинов и ресторанов, бурлила городская жизнь. Весь фасад бесконечно длинного двухэтажного дома сиял огнями вывесок и рекламных щитов, звенел «музыкой ветра» – гроздьями дверных колокольчиков над дверями, то и дело впускавшими новых посетителей, шептал, посмеивался и бубнил сотнями голосов, вырывавшихся из этих дверей, благоухал особым ароматом комфортной жизни, состоящим из сотен запахов – хорошего кофе, дорогого парфюма, изысканных блюд и еще чего-то притягательного, навевавшего воспоминания о самых счастливых моментах в жизни.

Поэтому, когда Тильда увидела мужчину в черном, сидевшего за столиком рядом с незнакомой девушкой, резко нахлынувший поток жутких картин из прошлого едва не свалил ее с ног: ей пришлось остановиться и опереться рукой о стену дома. Ее глаза, казалось, превратились в ледышки – знакомое ощущение, испытанное в ледяном подземелье, где она едва не замерзла насмерть месяц назад. Выбравшись оттуда, Тильда была уверена, что ей никогда в жизни больше не доведется увидеть ледяные своды Лунного чертога и встретиться с его хозяином, похожим на тощего мертвеца с глазами, из которых выплывали хлопья, черные и рыхлые, как печная сажа.

И вот теперь этот мертвец был прямо перед ней! Их разделяло тонкое хрупкое стекло и пара метров – ничтожная преграда даже для обычного человека, не говоря уже о сверхъестественном существе, наделённом колдовской силой. Но пока это существо ее не заметило, еще можно было уйти. Однако Тильда стояла как вкопанная и таращилась на него, будто надеялась, что жуткие костлявые черты вот-вот растворятся, и под ними проступит облик обычного человека.

Вокруг подозрительного типа и его девушки все столики странным образом пустовали, хотя Тильда видела в окно, что соседние залы этого кафе, отделенные перегородками и колоннами, были забиты под завязку. Люди, переминавшиеся с ноги на ногу у барной стойки, словно не замечали свободных мест рядом с этой парой.

– О, а давайте зайдём и съедим по эклерчику! Эклерчики здесь просто бомбические! – Одна из трех подруг, Даша, легонько толкнула Тильду плечом, приблизившись и заглядывая в то же окно. Копна ее тугих кудряшек тотчас заслонила всю видимость.

– Я не против! – отозвалась Лика, небрежным жестом смахивая в сторону длинную малиновую челку, вечно застилавшую ей лицо.

– На ночь – сла-адкое? Вы с ума сошли?! – томным голосом светской львицы протянула Алина, длинноволосая крашеная блондинка с вечно голодным из-за нескончаемых диет взглядом.

Тильда молчала. Она смотрела, как в углах кафе сгущается тьма, клубится там и расплывается по стенам и потолку, заволакивает пространство между колоннами, медленно и неумолимо отрезает типа и девушку от внешнего мира. Тьма встала над ними бугристым куполом подобно пещерным сводам, и колонны кафе, смутно проступавшие в ней, казались теперь ледяными столбами Лунного чертога. По щекам девушки, сидевшей напротив мужчины в черном, покатались крупные слезы. Тот протянул руку, подцепил костлявыми пальцами салфетку из салфетницы и тщательно вытер своей спутнице лицо. Его тонкие синие губы искривились в злобной улыбке.

Неожиданно девушка отшатнулась, вскочила и посмотрела в окно, за которым стояла Тильда. Она не могла видеть ее, скрытую в темноте, но, судя по взгляду, мысленно молила о помощи. Похоже, девушка почувствовала, что находится в опасности, но Тильда ничем не могла ей помочь. Она даже в полицию не могла сообщить, потому что тип вел себя вполне адекватно, не дебоширил и не проявлял агрессии. Что сказать полицейским в таком случае? «Задержите его, он – подземельный князь из царства смерти»? Смешно.

Тильду потянули в сторону от окна. Невзирая на возражения Алины, Дашка все еще рвалась за эклерами.

– В это кафе я не пойду! – воскликнула Тильда вырываясь из Дашкиной хватки.

– Почему? Тоже на диете, что ли? – разочарованно выдохнула подруга.

– Нет, просто давай пойдем в другую кафешку.

– Какую «другую»? – На ее лице отразилась крайняя степень изумления. – Это же «Сэр Эклер», лучшего места во всем городе не найти!

– В самом деле, Тильда! – вмешалась Лика. Поллица вновь было скрыто под челкой, свисавшей до кончика носа. – Даже Алина согласилась.

– Только не сюда! – Тильда упрямо мотнула головой и краем глаза заметила, что зал за окном опустел: мужчины и девушки за столом уже не было.

Растерянно оглядевшись, она увидела их, выходявших из кафе. Они направились к ряду автомобилей, припаркованных на дороге рядом с тротуаром. Демонстрируя изысканные манеры, человек в черном галантно распахнул перед дамой дверцу машины и захлопнул, когда девушка исчезла в недрах салона. Но прежде чем сесть за руль, он вдруг обернулся и посмотрел на Тильду. Никаких хлопьев из его глаз не выплывало, а лицо, хоть и выглядело очень худым, но все же его нельзя было назвать черепом, обтянутым кожей. Тильда ощутила сомнение в душе. Неужели она ошиблась, и князь ей просто померещился? Перед ней стоял незнакомец, которого она никогда прежде не видела. Она вспомнила, как охранник из интерната, Вадим Бранимирович, однажды выдал себя за ее отца. Он тоже был похож на князя, но в нужный момент мог обмануть кого угодно, притворившись другим человеком. При этом он не менял своего облика, а мистическим образом забирался в чужие головы, искажая зрительное восприятие тех, кто на него смотрел. Морок длился недолго, час или два, но ему этого хватало для того, чтобы совершить очередное черное дело.

Может быть, и незнакомец из кафе сейчас залез в голову Тильды, чтобы скрыть от нее свою настоящую внешность? Вон, как сверкает глазищами! Догадывается, что она узнала в нем слугу подземельного князя. Ведь те, кто служит князю, похожи на своего господина и друг на друга. Потому что все они мертвяки! Но тогда, значит, этот мужчина тоже узнал ее, ведь князь видит своих жертв глазами слуг – так утверждал Якур, ее друг-ханты из школы-интерната в Заполярье. Правда, князя он называл демоном, как и всех прочих темных духов из потустороннего мира, но Тильда была уверена, что это одна и та же нечисть, ведь суть от названия не меняется.

Якур мечтал стать настоящим шаманом, как его отец, старательно развивал в себе передавшийся по наследству дар и мастерил всякие шаманские штуки. Тогда, в интернате, он подарил ей оберег – перышко, принадлежавшее, по его словам, священной гагаре Лули. Оно сделало Тильду невидимой для Водимы Бранимировича, который, как подозревал Якур, выбрал ее очередной жертвой. Охранник, и в самом деле, перестал ее замечать после того, как Тильда повесила оберег себе на шею. Но однажды по глупости она выбросила перышко в окно и утратила свою неуязвимость, поэтому охраннику удалось обмануть ее, заманить в подземелье и отдать в руки князя, которому тот служил. Якур подоспел вовремя и, хотя не вызволил ее из ледяного плена, – их обоих подняли наверх спасатели – но лишь благодаря его шаманскому обряду камлания им удалось дожить до появления отряда МЧС. Жаль, что сейчас Якур был далеко, он бы в два счета определил, мертвяк этот тип или нет.

Дверца автомобиля за спиной костлявого типа приоткрылась, и оттуда послышался голос его спутницы:

– Что-то мне расхотелось ехать с тобой, Кощей! Посторонись, я выйду!

Тот резко обернулся.

– Не выдумывай, Елена! Мы же договорились.

Дверца сразу захлопнулась. Девушка так и не выбралась из салона. Мужчина в черном метнул тяжелый взгляд в Тильду, обошел капот и уселся за руль. Мотор взревел, взвизгнули шины, и через мгновение автомобиль со странной парочкой скрылся из виду за ближайшим поворотом.

– Очуметь! Кощей и Елена! Нет, вы это слышали? – рядом фыркнула Алина, передергивая плечами.

– Подумаешь! Что тут такого? Вот меня мой парень в шутку зовет ведьмочкой! – отозвалась Лика, сдвигая в сторону малиновую челку и глядя на Алину густо накрашенными глазами в ореоле серо-фиолетовых теней.

– Я не заметила, чтоб они шутили. – Алина напряженно вглядывалась в дальний конец улицы, куда укатили объекты обсуждения. – Думаю, не вызвать ли полицию? Девушка явно была насмерть перепугана.

– Ну и что ты им скажешь? – усмехнулась Лика. – Что видела, как Кощей ее похитил?

– Скажу, что девушка хотела уйти, но он ее не отпустил, а дальше пусть сами разбираются. Я даже номер машины запомнила.

– Не, ну так неинтересно! – недовольно взвыла Дашка и с тоской покосилась на окно кафе. – Тогда мы не успеем пирожных поесть! Мне дома надо быть не позднее одиннадцати. Я обещала.

В тот вечер Дашка объелась пирожными так, что ее пришлось выводить из кафе под руки. Все из-за акции – тем, кто заказал фирменные эклеры, полагалась вторая порция бесплатно, причем объявили об этом уже после того, как заказ был оплачен, иначе они бы заказали меньше пирожных. Кроме Дашки, никто из подруг добавки не захотел, и та на радостях умяла пять порций: свою и четыре бесплатных, по акции. Перед тем, как сесть в такси, ее вырвало эклерами, перемешанными с капучино, прямо на автомобильное колесо. Водитель дал им рвотные пакеты и ворчал всю дорогу что-то о пьяных тупых малолетках, отбросах общества и сточных канавах. С ними он в разговор не вступал, даже когда Лика громко заявила, что никто из них не пил спиртного.

Вынырнув из воспоминаний, Тильда вернулась к своему отражению в зеркале, а точнее – к ссадине на лбу: вытерев лицо полотенцем, тщательно припудрила покраснение и осталась довольна результатом. Теперь можно не опасаться лишних вопросов от мамы, на которые нельзя ответить правдиво, а врать Тильда не любила. Тем более, что отношения с мамой наладились совсем недавно, после того, как ее семилетний брат Женька снова начал ходить. Два года назад он упал с трехметровой елки в городском парке, куда забрался вслед за сбежав-

шим котом, и повредил позвоночник. В это время вместо того, чтобы присматривать за братом, Тильда разгуливала по парку, флиртуя с незнакомыми парнями: они с подругами устроили своеобразный марафон по сбору комплиментов, которые записывались на включенный в телефоне диктофон. Мама узнала об этом, и они с Тильдой сильно повздорили, а потом отец увез Тильду в интернат. Он объяснил это тем, что маме придется переселиться в больницу к Женьке, и она не хочет оставлять дочь без присмотра, но Тильда знала, что мама решила вычеркнуть ее из своей жизни. Она даже просила не звонить ей без крайней необходимости. Тильда и не звонила, день за днем подавляя нестерпимое желание набрать мамин номер.

Но все наладилось, когда, вернувшись домой после происшествия в подzemелье, Тильда подарила Женьке перо гагары Лули: Якур чудесным образом нашел выброшенный Тильдой оберег и вернул ей. С того момента брат быстро пошел на поправку и через месяц встал на ноги, а через два пошел-таки в первый класс. Мама повеселела и, судя по всему, простила Тильду: теперь, когда она смотрела на дочь, ее взгляд больше не становился холодным и колючим, а, наоборот, теплел и начинал светиться нежностью.

Высушив волосы феном, Тильда заглянула в смартфон и огорченно вздохнула, увидев пропущенный звонок от Якура. Друг звонил пять минут назад, как раз, когда она только включила фен – потому и не услышала звонка. Попытка перезвонить не удалась: оператор связи сообщила, что абонент находится вне зоны действия сети. На Крайнем Севере, где жил Якур, приходилось еще поискать место, где была более или менее приличная связь. Наверное, не дозвонившись, друг уже ушел из зоны покрытия и теперь перезвонит ей снова только вечером. Он был на год старше Тильды и этим летом закончил школу, но никуда так и не поступил. Покинув интернат, Якур перебрался к родственникам в поселок кочевников, разбитый прямо в голой тундре. По его словам, средства на поездку в город для поступления в вуз у него имелись, но он решил год подождать, чтобы потом поступить вместе с Тильдой в Горный университет в Санкт-Петербурге. А пока друг занимался тем, что развивал свой дар шамана, общался с духами и мастерил обереги, которые его родственники продавали туристам за немалые деньги.

С кухни донесся звон посуды: мама готовила завтрак. Отца дома не было – накануне он улетел в Заполярье, в очередную командировку. Брат Женька еще дрых. Теперь по выходным он отсыпался до обеда, отвык от ранних подъемов за время болезни, продлившейся целый год и отступившей благодаря оберегу Якура. Конечно, родители приписывали успешное излечение стараниям врачей, но у Тильды не было сомнений в целительных свойствах пера гагары Лули – священной птицы, которая согласно легенде, рассказанной Якуром, достала Землю со дна безбрежного океана и тем самым положила начало сотворению мира. И, хотя Тильда знала множество других версий этого события, как научных, так и описанных в различных религиях и мифологиях, и даже мысли не допускала, что версия Якура может быть верной, но существование мистических птиц не могла отрицать, ведь своими глазами видела их в лукоморском саду – сказочном месте, поверить в реальность которого было так же трудно, как и в то, что он ей просто почудился.

Так что же это было за место? И, главное, что скрывалось на волшебном острове? Птицы сказали, что там хранятся вещи, влияющие на устройство всего мира, и с тех пор Тильда сгорала от любопытства, желая узнать, что же там такое.

За завтраком Тильда с мамой беседовали полупшепотом, стараясь не разбудить Женьку, хотя, скорее всего, ему не помешал бы даже пушечный выстрел. Мама поинтересовалась школьными делами Тильды и спросила, не передумала ли та поступать в Горный по окончании учебы, а потом, тяжело вздыхая, принялась ворчать о жизни на чемоданах, которая ждет Тильду, если она выберет профессию геофизика.

– Посмотри на отца, ну что хорошего? Вечно в командировках!

– Зато у него работа интересная, и к тому же хорошо оплачиваемая, – возразила Тильда, опасаясь, что мама снова начнет уговаривать ее остаться в родном городе и поступать в педа-

гогический вуз. – А потом он столько же времени проводит дома, сколько перед тем отсутствовал. Неплохо в общем-то.

– Ну, для мужчины, может, и неплохо, – все-таки согласилась мама, но тут же привела убийственный довод: – А вот женщине никак нельзя надолго покидать дом. Кто будет управляться с хозяйством, присматривать за детьми? На няnek их оставишь? Послушай меня, подумай хорошенько, ведь пожалеешь потом.

Тильда не знала, как возразить, но и соглашаться не хотела, ведь жила мечтой о поступлении в Горный аж с пятого класса, поэтому решила просто сменить тему:

– Знаешь, мне тут реклама на глаза попала, в цирке новое шоу идет, с белыми тиграми. Может, сходим все вместе – ты, я и Женька? На следующих выходных, например. А?

Мама мечтательно улыбнулась:

– А что, хорошая мысль! Я всегда любила цирк, особенно с тиграми. И с хорошими клоунами. Как думаешь, у этих гастролеров хорошие клоуны?

– Кажется, там даже какая-то мировая знаменитость среди клоунов есть.

– Ну, тогда купи три билета на следующую субботу. Хотя... – Мама задумчиво наморщила лоб. – Вообще-то у меня гора дел накопилась. Может, вы сходите с Женькой вдвоем?

Тильда вздохнула, пожимая плечами.

– Как скажешь.

На самом деле такое предложение ее совсем не обрадовало. Ей было страшно брать на себя ответственность за Женьку. Последний раз она не оправдала мамино доверия и оставила брата без присмотра. Конечно, в этот раз она такого не сделает, но мало ли, что еще может произойти.

Однако отступать было поздно, и Тильда пообещала маме, что сводит Женьку в цирк.

Правда, обещание тут же вылетело у нее из головы, потому что позвонила Алина и попросила помочь ей с шопингом – для выбора одежды подруге почему-то было недостаточно увидеть себя в зеркале, требовался еще и взгляд со стороны. А потом позвонил Якур и сообщил, что прилетит в город на осенние каникулы, чтобы провести неделю вместе с Тильдой. Они проболтали целый час, рассказывая друг другу последние новости.

Тильда вспомнила о цирковом шоу только в пятницу, и, конечно же, все билеты на ближайшие выходные оказались разобраны.

Не желая признаваться маме в своей безответственности, Тильда принялась искать, куда еще можно пойти с семилетним ребенком. Перебирая в смартфоне сайты музеев, выставок и киноцентров, она неожиданно наткнулась на рекламу, которую прежде не видела: «Театр теней «Viva umbra». Премьера спектакля «Лихоморье». Детям до восьми лет в сопровождении взрослых вход бесплатный. Действуют скидки для школьных групп».

Название спектакля мгновенно заворожило Тильду, и возникло чувство, что она слышала это слово раньше. Билетов было еще много, и она, не раздумывая, забронировала два места в центре первого ряда.

3. Сказочник из Лукомории

Из зеркала на Марка смотрела жуткая белая физиономия, покрытая сеткой мелких морщинок. Дряхлость была ни при чем: толстый слой белой акриловой массы высох и растрескался, разом добавив лицу пару десятков лет. Но без этого слоя было еще хуже. Гораздо хуже! Настолько, что Марк опасался распугать своим видом всех зрителей, собравшихся к началу спектакля. По словам Божены, зал заполнился до отказа, пришлось даже поставить дополнительные стулья в проходах для особенно настойчивых мамаш, не желавших, чтобы их чада ждали целую неделю до следующего сеанса. Кто бы мог подумать, что реклама вызовет такой ажиотаж! Бывший директор театра утверждал, что не видел ничего подобного за десять лет работы. Горожане как с ума сошли, всем хотелось сводить своих детей на эту премьеру. Поначалу, когда Божена велела Марку разместить рекламный пост в соцсетях, он думал, что из этого ничего не выйдет, а в итоге желающих набралось больше, чем мог вместить крошечный зал, принадлежавший арт-студии некоего Виктора Зарубина. На вывеске вместо названия так и значилось: «Арт-студия Зарубина», и, судя по запущенному виду, аншлагов этот пыльный балаган на своем веку не видывал. За внушительную плату Божена арендовала у Зарубина помещение (узнав размер суммы, тот согласился без раздумий и тотчас вывез весь реквизит), а затем взялась за оформление интерьера: закупила для зрителей удобные кресла – изящной формы, обтянутые черным велюром, с высокими спинками и мягкими подлокотниками, заказала зеркальные витрины для фойе, кукол ручной работы для их наполнения, нарисовала эскиз вывески с коммерчески удачным, по ее мнению, названием, провернула еще тысячу и одно дело, включая открытие кафетерия с мороженым, попкорном и сахарной ватой, и вот всего за неделю их крошечный театр был готов к первой премьере.

Зато Марк совершенно не был к ней готов. У него снова начали отмирать конечности, ноги подгибались на каждом шагу, а черные круги под глазами расплзлись так, что он стал похож на отошавшую панду. И с каждой минутой его состояние ухудшалось, хотя еще утром он чувствовал себя просто отлично. Марк решил, что чудодейственный порошок Божены, так называемый «недожиток», воскресивший его в ночь равноденствия, отчего-то перестал действовать, и отправился к своей спасительнице за новой порцией.

Он отыскал Божену в фойе. К счастью, зрителей еще не запускали, но до представления оставалось всего два часа, и Козельский, завербованный в капельдинеры, ходил кругами возле входных дверей, то и дело поглядывая на часы, – готовился к открытию. Вид у него был недовольный, впрочем, как и всегда, но сейчас – особенно. Похоже, ему не очень нравилась его новая роль театрального лакея. Марк догадывался, что Божена поручила нотариусу проверять входные билеты и следить за порядком в зале вовсе не из экономии средств. Скорее, не хотела привлекать посторонних людей.

Заслышав шаги Марка, Козельский оторвал взгляд от циферблата наручных часов, поднял голову и тонко взвизгнул, а потом неожиданно захихикал и прогнусавил вместо приветствия:

– Какой хороший грим!

Но тогда никакого грима на лице Марка еще не было.

– Ага, – хрипло отозвался Марк, не глядя в его сторону и направляясь к Божене.

Она стояла к нему спиной и поправляла серебристые ламбрекены на черных бархатных портьерах, обрамлявших фальшивые окна. Точнее, окна были настоящими, но вместо стекол в них вставили декоративные щиты с мозаикой, поэтому свою основную функцию – пропускать дневной свет – они не выполняли.

Божена не любила свет, в особенности утренний.

– Рассветы крадут наши дни, – объяснила она, когда, еще в начале ремонта, Марк спросил, зачем ей понадобились глухие окна.

– А разве не ночи их крадут? – удивился он.

– Нет, конечно не ночи! – Ее колючий, холодный смех прокатился эхом по пустынному фойе. Она смеялась так, как смеются над непроходимыми глупцами.

Марк возразил, не понимая причины насмешки:

– Ну как же! День исчезает с наступлением ночи, а рассвет – это начало нового дня. Получается, рассветы дарят дни, а не крадут.

– Вот именно, что крадут. Они возвещают о том, что прошел еще один день, и это каждый раз вгоняет меня в тоску. Ненавижу рассветы! И нечего им делать в моем театре!

Позже выяснилось, что Божена питает такую же неприязнь и к электрическому свету. Пока шли ремонтные работы, в помещениях театра горели обычные лампы, но, как только штукатуры и маляры завершили свое дело, все электрические светильники заменили на... свечные люстры! Марк глазам своим не поверил, увидев, как рабочие подвешивают к потолку ажурные обручи из кованого металла и вставляют в них толстые цилиндры свечей.

– Пожарная инспекция такое не пропустит, – заявил он Божене, наблюдавшей за процессом.

– Разрешение висит рядом с пожарным щитом, можешь взглянуть, если хочешь, – невозмутимо сообщила она.

Марк только хмыкнул в ответ, догадавшись, что и в инспекции у нее имелись свои люди.

– Теперь наш театр стал похож на сатанинский вертеп, – попытался пошутить он. – Как бы не вспыхнул адским пламенем. Бывают же лампочки, стилизованные под свечи. Не лучше ли было бы использовать их? Все-таки это безопаснее.

– Наивный невежда! – кокетливо склонив голову набок, Божена одарила Марка надменным взглядом и ядовитой улыбочкой. – Что ты знаешь об опасности? Да ровным счетом ничего.

«Ну да, конечно. Подумаешь, на днях чуть не сгнил заживо, разве это опасность?» – собрался было возразить Марк, но промолчал. Ведь Божена тотчас напомнит ему, что он у нее в долгу. Да и ссориться со своей спасительницей было бы глупо. Он как будто предчувствовал, что ему еще придется обращаться к ней за помощью.

Так и вышло: явился, как говорится, с протянутой рукой.

Заслышав его приближение, Божена обернулась и, мгновенно изменившись в лице, выругалась:

– Черт, ну ты и пугало!

– Поэтому и пришел. Мне бы немного волшебного порошка...

– С какой стати? – Божена гневно прищурилась, уперев руки в бока. – Ты еще за тот раз не рассчитался!

– В таком случае отменяйте спектакль, а я пошел умирать. – Марк обреченно понурился.

– Потраченной на тебя порции недожитка мне хватило бы на год, а в тебе он за месяц сгорел! – Она негодуя нахмурилась. – Ах, да! Ты же срок уплаты долга пропустил, вот в чем дело. Кредитная ставка выросла. Но, знаешь ли, я не готова разбрасываться своим сокровенным запасом. Попроси Козельского, пусть поделится. Хотя... нет, это пустая трата времени, а у нас его в обрез. Идем в мою гримерку, надо что-то сделать с твоим лицом. Думаю, до спектакля ты сгнить не успеешь, а там заплатишь князю дань, и хворь отступит.

Обычные косметические средства вроде тональных кремов, консилеров и пудры не помогли, почерневшая кожа проглядывала даже сквозь множество слоев. Размазав остатки крема по лицу Марка, Божена злобно прошипела:

– Актерского грима у меня нет! Кто бы мог подумать, что он может понадобиться.

Выбросив испачканные спонжи и пустые тюбики в мусорное ведро, она извлекла из сумочки телефон и набрала номер.

– Козельский, сходите в подсобку, взгляните, не осталось ли после ремонта белой акриловой краски. Кажется, там было несколько банок. Нет, валик не надо, это не для стен.

Вскоре появился запыхавшийся нотариус с огромным, литров на двадцать, пластиковым ведром в руках.

– Краски нет, только жидкая штукатурка! – сообщил он, с громким стуком поставив ведро на пол.

– Открывайте! – велела она.

Как только крышка со щелчком приподнялась, Божена обмакнула спонж в густую белую массу, мазнула им по щеке Марка и, удовлетворенно кивнув, принялась покрывать краской его лицо.

– Сойдет! – оценив результат своих стараний, Божена обернулась к Козельскому, с любопытством наблюдавшему за происходящим. – А вы как считаете?

– Э-э-э... Может быть, ему еще скулы подрумянить? – неуверенно протянул тот.

– Подрумяним, и губы накрасим! – весело ответила Божена, вооружаясь огромной пуховкой.

– Вы что, собираетесь клоуна из меня сделать? – буркнул Марк, отпрянув от облака пудровой пыли, полетевшей ему в глаза, и заслоняясь от Божены руками. – Хватит с меня и побелки!

– Как хочешь. Я и так утомилась с тобой возиться. Смотри, мимикой на сцене не увлекайся, лучше воздержись от широких улыбок, не то штукатурка отвалится. Еще перепугаешь наших детишек.

Божена направилась к выходу. Козельский последовал за ней, прихватив ведро с штукатуркой. Время открытия театра почти наступило.

«Наших детишек», – мысленно повторил Марк с содроганием, провожая неприязненным взглядом свою спасительницу, но тотчас отогнал подбирающуюся к сердцу тоску. Не хватало еще расчувствоваться в самый ответственный момент. Ведь он сам выбрал такую судьбу – за год жизни должен отдать чью-то жизнь целиком. Сегодня ему представился второй шанс, чтобы заплатить долг подземельному князю. Если все пройдет успешно, у него появится в запасе не один год жизни, а гораздо больше. Года будут прибавляться с каждым спектаклем, и когда их наберется пара-другая сотен, можно будет надолго завязать с этим черным делом и пожить в свое удовольствие.

А ведь если бы не Божена Блаватская, он так и умер бы на тротуаре, и сейчас его останки догнали бы под двухметровой толщей сырой земли. Но кто знает, может быть, само зло послало Марку эту демоническую женщину, чтобы та подсказала ему другой способ уплаты долга, ведь зло жаждало жертв, и одна лишь жалкая душонка Марка не могла удовлетворить его зверские аппетиты. В последнюю минуту до равноденствия, с наступлением которого Марк должен был умереть согласно условиям договора, Божена дала ему вдохнуть чудодейственный порошок, который называла «недожитком».

В тот момент Марку было все равно, что вдыхать, но позже он поинтересовался у нее природой этого вещества. Удивляя словоохотливостью, Божена пустилась в объяснения, будто ей нравилось говорить на эту тему:

– Недожиток – это время, недожитое людьми из-за внезапной смерти. Оно оседает в виде мельчайших пылинок в местах катастроф, убийств или там, где обитают любители экстрима, которые, возмнив себя неуязвимыми, играют со смертью в «кошки-мышки» и рано или поздно всегда проигрывают. Я нахожу такие места и собираю недожиток, но, должна заметить, что это адски кропотливый труд. Так что ты теперь задолжал не только подземельному князю, но и мне, Божене Блаватской, последовательнице международного теософского движения Елены Блаватской, бывшей супруги моего троюродного брата. Отсутствие кровного родства у нас с Еленой не стало препятствием для зарождения родства духовного, возникшего

между нами еще в юности и продлившегося много лет, до самой смерти моей великой наставницы. К сожалению, тогда я еще не знала о существовании недожитка и не смогла продлить ее жизненный срок. Лишь в последние годы наши с Еленой взгляды на устройство мира сильно разошлись. Мне так и не удалось заручиться ее поддержкой, поэтому пришлось самой доносить до членов общества новые идеи. Те, кто вдохновился ими, отделились от основного движения и последовали за мной. К сожалению, Елена возненавидела меня за это. Она так и не поняла ничего!

– Чего именно она не поняла? – любопытствовал Марк, но на этот раз Божена оставила его без ответа, грубо отрезав:

– Не задавай глупых вопросов, тебе и подавно этого не понять! Да и времени на болтовню больше нет. Пора начинать заседание.

Этот разговор случился в первый день их знакомства, вернее – в ночь, когда они – Марк, Божена и Козельский – только прибыли в старинный дом на Чернавинском проспекте. К приезду Божены там приготовили трехкомнатные апартаменты, состоявшие из спальни, кабинета и просторной столовой, где гостей поджидал накрытый стол. Марк тогда был страшно голоден и поначалу видел лишь дымящиеся поджаристые стейки, исходившие кровавым соком на плоских белоснежных тарелках, но, наевшись, начал осматриваться. Судя по роскошному убранству, Блаватскую тут почитали важной гостьей. А сам путь, которым их привел сюда смотритель здания Грабарь, говорил о том, что место пребывания гостя было тщательно засекречено: Марк ни за что не нашел бы эти апартаменты в одиночку и вряд ли смог бы выбраться наружу без провожатого.

Проследовав за Грабарем потайным ходом сквозь чучело медведя, они очутились в широком коридоре, далеко протянувшемся по обе стороны, с множеством высоких массивных дверей, поблескивавших золочеными ручками и замочными скважинами. Пол устилала пурпурного цвета коврая дорожка с черным орнаментом; под потолком громоздились необъятные многоярусные люстры, сверкавшие хрустальными гранями в дрожащем пламени сотен свечей, заменявших лампы; с портретов, висевших на стенах, строго смотрели бледные лица, отливавшие масляным блеском.

Все двери выглядели так, будто за ними скрывались помещения масштабом не меньше дворцового зала, поэтому, когда Грабарь распахнул одну из них, Марк почти не удивился открывшемуся перед ним простору. Удивился он другому – как этот простор уместился в доме, пусть и очень длинном, но шириной от силы в три десятка метров? Ведь даже прихожая, или как там это называется во дворцах, выглядела для этого дома огромной, а из нее сквозь дверные проемы просматривались другие комнаты, еще большего размера. Заметив в одной из них стол, уставленный едой, Марк так и прирос взглядом к тарелкам. Божена велела ему разместить чемодан на подставке для багажа и снять грязную куртку, а сама, скинув плащ на услужливо протянутые руки Грабаря, скрылась за одной из дверей: судя по раздававшемуся шуму воды, там находилась ванная. Вернулась она оттуда еще прекраснее, чем была: тщательно расчесанные волосы засияли глянцем под свечными люстрами, на влажном, только что умытом лице разгорелся румянец, а лишенная плаща фигура, обтянутая кроваво-красным бархатом, заставила Марка забыть даже о голоде. Правда, любовался он недолго: взглянув на часы, висевшие над входной дверью, Божена воскликнула:

– Времени мало! Час до заседания. Ужинаем и выдвигаемся. Жду вас в столовой, потопитесь.

Марк готов был броситься в столовую немедленно, но Грабарь остановил его и взглядом показал на дверь ванной, а Козельский напомнил, будто такое можно было забыть:

– Простите, вы ведь только что валялись на тротуаре.

Спустя две минуты, наспех умывшись и оросив белоснежно-зеркальную ванную грязными брызгами, Марк дорвался-таки до мяса и прочих угощений – сыров, овощных салатов, фруктов и пирожных, даже растерялся от такого изобилия и жадно хватал все подряд.

– Мясоруб и Сэр Эклер остались бы довольны твоим аппетитом, – заметила Божена с насмешкой. – Вижу, ты окончательно пришел в себя благодаря недожитку.

– А что, собственно, за недожиток такой? – спросил Марк, откусывая от куска мяса, нанизанного на вилку.

Тогда он и узнал, откуда берется целительный порошок. Как только его желудок наполнился, а голод утих, в голове начали рождаться новые вопросы, но Божена заявила, что им пора в зал заседаний. Грабарь в мгновение ока собрал остатки еды и грязную посуду со стола, сгрузил на тележку и куда-то увез, а вернулся, нарядившись в красный плащ. Еще три таких же плаща он принес с собой, два подал Марку и Козельскому со словами:

– Надевайте, всем посвященным так положено.

Затем он помог Божене облачиться в новый плащ, такой же красный, но с черным подбоем. Та с явной неохотой стянула края горловины узлом из золотистых шнуров и раздраженно процедила:

– Ох, уж эти церемонии!

Следом за Боженой они направились в коридор с портретами, повернули вправо и довольно долго шагали по прямой. Расстояние от апартаментов Божены до дверей зала заседаний показалось Марку больше, чем протяженность всего Чернавинского проспекта, но, возможно, так вышло из-за того, что он объелся и теперь хотел спать.

Грабарь вошел в зал и провозгласил сиплым голосом во всю силу своих легких:

– Ее темнейшее высочество Божена Блаватская!

Отступив в сторону, он пропустил Божену вперед. Она стремительно вошла, полы плаща взметнулись за ее спиной, заслоняя видимость, а когда опали, Марк потрясенно замер: зал заседаний выглядел совсем не так, как он себе представлял.

То, что внутри полумрак, он заметил сразу: люстр на потолке не было, и свет исходил откуда-то снизу, из углов. После освещенного коридора разглядеть внутреннее убранство было трудно, но по мере того, как глаза привыкали к сумраку, стало ясно, что никакого убранства... нет. Зал был пуст! Ничего похожего на стол, за которым положено совещаться, никаких кресел, ни даже кафедры для выступлений! Зато какое-то белесое полотнище свисало с потолка до самого пола почти по всей ширине зала. Божена с Козельским остановились перед этой завесой, нотариус поставил чемодан на пол и защелкал замками. Марк почувствовал толчок в спину.

– Проходите уже, не стойте на пороге, мне двери запереть надо! – сказал Грабарь шепотом – наверное, сорвал голос от чрезмерных усилий. Марку показалось, что смотритель побледнел и напрягся, как будто боялся чего-то.

– А где заседатели-то? – спросил Марк, тоже понизив голос.

– Скоро увидите. Все давно уже в сборе.

Марк скептически вскинул брови, обводя удивленным взглядом пустое пространство, в центре которого Божена с Козельским возились над чемоданом. Внутри что-то звякало, хрустело и поскрипывало, а потом оттуда хлынул поток зеленоватого света, направленный на полотно, и на его светлом фоне проступили силуэты людей, смиренно сидящих на стульях с обратной стороны.

– Интересное кино, – пробормотал Марк себе под нос, приближаясь к полотну. – Чего это они там сидят, как приклеенные, и никто не встречает ваше темнейшество? – с ехидцей поинтересовался он, нависая над Боженой.

Она вскинула голову, поднялась и прошипела ему в лицо:

– Не заставляй меня жалеть о моем решении взять тебя в число посвященных. Не нарушай порядок. Иди, сядь на свое место и жди начала сеанса.

– Ух, ты! Правда, что ли, кино покажете? Все, молчу, молчу. Но... а где мое место?

– Ах, да, я не успела сказать, чтобы сменили таблички. На твоём месте написано «Арт-студия Зарубина». Но Виктора не будет, теперь это твой стул. – Помедлив, она добавила: – Наверное.

– Понял, это будет мой стул, если буду себя хорошо вести. Стул – это важно, постараюсь ради него.

– На твоём месте я бы так не веселилась. – Её лисьи глаза отливали фосфорной зеленью в странном свете, исходявшем из чемодана.

Марк краем глаза заглянул внутрь обшарпанного короба – ничего интересного, лишь моток проводов, какие-то трубки и большая лампа, похожая на обычную лампу накаливания, разве что излучала не желтый, а зелёный свет.

– А что такого? Я, как-никак, сегодня воскрес, не каждый день такое бывает, почему бы мне и не повеселиться? – ответил Марк, пожав плечами.

– Ещё неизвестно, как князь отнесётся к твоему воскрешению. Вот сейчас все и выяснится.

– То есть, как это... «выяснится»? – настроение у Марка мгновенно испортилось. – Что вы хотите этим сказать?

– Обычно он присутствует на наших собраниях, и в этот раз мне придётся держать перед ним ответ за тебя. Я нарушила закон, им установленный.

Воспринять всерьёз такое заявление было трудно, но если Божена и пыталась шутить, то тщательно это скрывала.

– Обычно присутствует на собраниях, говорите? – переспросил Марк. – И каким же образом? Он, что, является прямо сюда?

– Иногда он к нам является, а бывает, и мы к нему. В зависимости от поставленных целей.

– А-а... Надо же! – Марк оттянул воротник мантии и, шумно выдохнув, спросил снова: – Интересно знать, каким видом транспорта он обычно добирается из Заполярья? Самолетом? Регулярным рейсом? Или у него личный борт имеется?

– При чем тут Заполярье? – Божена наградила Марка холодной улыбкой.

– Ну как, ведь там находится Лукоморье и Лунный чертог! Я сам там был!

– Мед-пиво пил, – с ехидцей поддразнила Божена. – «Лукоморье», «Чертог»... беспросветный невежда! – Она насмешливо фыркнула. – Много ли ты знаешь о Лукоморье? Видимо, лишь то, что это земля, населенная диковинными зверями и кудесниками. Но в мифах других народов тоже есть упоминания о подобных землях, и все они – часть одного мира. Этот мир еще называют потусторонним, он не привязан к конкретному месту на Земле. Неужто ты не догадался, что побывал в другом измерении? В Заполярье находится естественный переход, потому что на полюсах крайне тонка грань между мирами. Но это не значит, что нельзя перейти в другом месте. Думаешь, зачем мы тут с Козельским возимся? Настраиваем аппарат для открытия перехода. А ты, между прочим, задерживаешь процесс! Князь наверняка уже заждался нас.

Марку показалось, что он вот-вот грохнется в обморок.

– Вы шутите, ваше темнейшество? – спросил он упавшим голосом без всякой надежды на утвердительный ответ.

– Я уже все сказала насчет шуток, – услышав, как дрогнул ее голос, Марк понял, что она напугана до смерти. И вот тут-то он запаниковал. Если даже самой Блаватской стало страшно, значит, судьба его действительно висит на волоске.

– А зачем тогда вы меня спасли, если боитесь гнева князя? – Каверзный вопрос сам по себе слетел с языка.

– Пригодишься мне в одном деле, если, конечно, все удачно сложится.

– И что это за дело?

– Я тебе и так сообщила больше положенного. Будет с тебя, иди!

Марк послушно повернулся, отодвинул край занавеса, и, шаркнув потяжелевшими ногами, шагнул за него.

За полотном буквой «П» стояли стулья с высокими спинками, тринадцать штук – Марк пересчитал их, разглядывая присутствующих. Четыре стула в центре были свободны. На спинках, выступающих над головами сидящих, виднелись овальные таблички с надписями. Прежде чем пройти на отведенное для него место, Марк любопытствовал и прочитал некоторые из них:

Музей чучел, А. П. Грабарь

Аптека «Немочь прочь», А.Р. Рогов

Гриль-бар «Мясоруб», М.Я. Торопов

Кондитерская «Сэр Эклер», Э.В. Клер

Магазин зеркал «Магия отражений» К.И. Хрусталева

Парфюмерная лавка «Душка», А. М. Алицкая

Оптика «Глаз-Алмаз», Б.И. Зуев

Салон игровых приставок «Потехи час», Р.С. Прыгунов

Бутик модной одежды «Стройняшка», С.Л. Шпица

Отыскав нужный стул, с табличкой «Арт-студия Зарубина», Марк, сопровождаемый взглядами присутствующих, прошел и занял его. Спустя мгновение появился Грабарь и сел рядом.

Стараясь казаться невозмутимым, Марк непринужденно закинул ногу на ногу и принялся покачивать ей, но тут от подошвы отвалился кусок грязи и упал на пол с глухим стуком. Смутившись, Марк поспешно принял позу прилежного студента, сложив руки на коленях. Божена и Козельский все еще возились с обратной стороны занавеса над своим хитроумным устройством. Они приглушенно переговаривались, но слов было не разобрать. Наконец, Блаватская выпрямилась и, отбросив от лица волосы, сказала нотариусу с какой-то обреченной решимостью:

– Готово! Идемте же.

Все сидящие разом поднялись со своих мест, приветствуя ее.

– Эт ноктем эссе этерна! – подняв руку над головой, Божена выкрикнула непонятную фразу, прозвучавшую как заклинание, и хор голосов вторил ей трижды. Поймав на себе недовольный взгляд Блаватской, Марк запоздало вскочил на ноги, спеша присоединиться к остальным, но успел произнести лишь окончание:

– Сетерна!

Голоса смолкли, и все как один уставились на него. Марк вдруг почувствовал, что его рубашка нещадно колется, похлеще, чем свитер из грубой шерсти, даже тело зачесалось. Как-то странно для изрядно поношенной вещицы причинить дискомфорт именно сейчас, когда все взгляды сошлись на нем подобно скрестившимся в бою клинкам.

– Это новый кадавер? – прошептал незнакомый женский голос с тревожным придыханием.

Марк решил, что его приняли за кавалера Божены, а слово исковеркали из-за проблем с дикцией.

– Нет, он служит не мне, а напрямую князю, и такой же посвященный, как все члены совета. Теперь он – один из нас и займет место Зарубина.

– Для кадавера у него слишком осмысленный взгляд, – заметил кто-то. – И, к тому же, кадаверы никогда не садятся в нашем ряду, они знают свое место.

При этих словах взгляд Марка переместился за спинки стульев, вглубь темного пространства, куда почти не достигал свет. Там сидели какие-то люди, которых он не заметил сразу. Они казались безучастными, словно все происходящее здесь их не касалось. Марк догадался, что

это и есть те самые «кадаверы». Жаль, что в темноте невозможно было определить, насколько осмысленные у них взгляды. В воображении почему-то возник образ зомби – живых мертвецов с пустыми невидящими глазами. Марк поежился. Раньше, до встречи с князем, он был уверен, что трупы не способны самостоятельно передвигаться, но это было в другой жизни, и сам он тогда был другим. С тех пор все изменилось. Теперь Марк знал, что мертвое еще не значит – неподвижное.

– А что случилось с Зарубиным? – спросил седовласый круглолицый мужчина в огромных очках. – Он заходил ко мне на днях, спрашивал таблетки от тошноты. Выглядел неважно.

– Вам лучше знать, что с ним случилось, ведь я только что прилетела из Варшавы, – ответила Божена. – Он звонил мне вчера, просил перенести совещание. Сказал, что не сможет сегодня присутствовать, но не объяснил причину. Мне не хотелось лишний раз тревожить князя, чтобы уведомить об изменении даты, поэтому я решила дать Виктору отдохнуть и нашла ему замену. Знакомьтесь, Марк Святозарович Костин, новый директор арт-студии!

Марк вскинул на Божену удивленный взгляд, но по ее виду понял, что лучше не спорить и ничего не спрашивать, скоро само все прояснится.

Воспоминания прервались нервным возгласом Божены:

– Эй, здыхлик! Ты готов к выходу? Зрители ждут тебя! – Его спасительница, а теперь и повелительница, недобро шурилась, заглядывая в приоткрытую дверь гримерки.

Марк пригладил волосы, коснулся потрескавшейся корки на лице, тягостно вздохнул и поплелся к выходу. Собрав остатки сил, он доковылял до сцены, с трудом преодолел пять низких ступенек – подъем на подмости – и предстал перед залом, полным маленьких детишек.

– Ну, здравствуйте, мои дорогие! Заждались? Что ж, давайте знакомиться: я – добрый сказочник из страны Лукомории!

Сотни ладошек радостно захлопали ему в ответ.

4. Лучшая подруга тень

Седьмой по счету эклер оказался безвкусным, как картон. Да и первый был немногим лучше. На блюде лежали еще три штуки, но есть их уже не хотелось. Скорее всего, здесь они и останутся. Еще месяц назад Даша и представить себе не могла, что способна уйти из кафе, не доев свои любимые пирожные, хотя тогда она заказывала гораздо больше порций – пять, а иногда и шесть. Порция эклеров состояла из двух больших и увесистых бревнышек заварного теста, покрытых толстым слоем глазури, с различными начинками на выбор. Дашка перепробовала все: ванильную, шоколадную, ягодную, ореховую и творожную, а вот соус предпочитала исключительно карамельный, с шариком мороженого и листочком свежей мяты. Она приходила в это кафе «Сэр Эклер» каждый день после того, как пару месяцев назад впервые объелась здесь эклерами до такой степени, что ее вырвало прямо возле такси. Хорошо еще, что не в салоне. И все из-за проклятой акции: в тот день всем, заказавшим эклеры, полагалась вторая порция бесплатно, а ее подруги – Тильда, Алина и Лика – отказались от добавки. И Дашка все это съела! Схотела за милую душу – не пропадать же такой вкуснятине! С того момента жизнь Дашки превратилась в кошмар: не проходило ни дня без поедания эклеров. Ноги сами несли ее по знакомому маршруту на Чернавинский проспект, стиснутый с обеих сторон двумя бесконечно длинными домами, выстроенными на средства купеческой гильдии еще до революции. И тогда, и сейчас эти дома назывались в народе торговыми рядами: первые этажи занимали лавки, магазины и мастерские, разве что со временем менялся ассортимент товаров и услуг. На вторых этажах, как правило, жили сами купцы, а теперь – бизнесмены.

Широченные тротуары Чернавинского проспекта, пролежавшего по самой живописной части города, через исторический центр и мост, раскинувшийся вблизи слияния двух рек, испокон веков служили горожанам местом для променада. Дашка тоже часто гуляла здесь: в детстве с родителями, позже – с подругами. Ей не надоедало любоваться с моста реками и их берегами, заросшими ивами, разглядывать изысканные экстерьеры старых, но искусно отреставрированных домов, слушать дробный стук сотен ног о каменную брусчатку, гомон и смех прохожих. Но все это было до ее первого обжорства в «Сэр Эклер», а в последнее время она все чаще ходила по Чернавинскому проспекту в одиночестве, да к тому же почти ничего вокруг не замечала оттого, что либо спешила добраться до эклеров, либо едва передвигала ноги, страдая от обжорства и чувства вины. А потом еще и лишние килограммы добавили походке тяжести. Ох, уж эти килограммы! Тело Дашки распирало, как тесто на дрожжах. Одежда становилась все более тесной и расплзалась по швам. Парень из соседнего дома, при встрече провожавший Дашку многозначительным взглядом, перестал ее замечать. Еще и с подругами поссорилась, когда Алина начала намекать, что пора бы Дашке сесть на диету, а Тильда и Лика ей поддакивали. В конце концов, Дашке стало казаться, что все вокруг с презрением разглядывают складки на ее боках, обтянутые тесной курткой, и ей нестерпимо захотелось умереть.

Но однажды все изменилось. В лучшую ли сторону, или в худшую, Дашка еще не поняла. Только вот пирожных она теперь могла есть сколько влезет без вреда для фигуры. Сбылась ее заветная мечта: она лопала эклеры и стройнела с каждым днем! Правда, теперь ее беспокоили некоторые неприятные вещи, связанные с обретением стройности, но они казались пустяковыми по сравнению с мыслями о смерти, которые, к счастью, совсем перестали ее посещать.

Чудо случилось в конце сентября, спустя месяц после первого обжорства в «Сэр Эклер», разделившего ее жизнь на «до» и «после». Оно явилось в лице хозяина кафе, присевшего за столик Дашки как раз в тот момент, когда она, давась эклером, подсолненным собственными слезами, представляла, как прыгает с моста в холодную мутную реку.

– Прошу прощения, милая барышня, вижу, вы чем-то расстроены? – прозвучал поблизости чей-то мужской голос, явно не молодой.

– А вам что за дело? – грубо буркнула Даша, даже не глядя на того, кто заговорил с ней.

– Извините, что потревожил, – вкрадчиво продолжил неизвестный собеседник. Рядом послышался скребущий звук отодвигаемого стула. Кто-то сел напротив. Дашка демонстративно отвернулась и уставилась на шумящий за огромным окном проспект. Там резвился сентябрьский ветер, задирая на прохожих полы плащей и гоняя по брусчатке желтые полумесяцы ивовых листьев.

– Мне показалось, что проблема в моих пирожных, не так ли?

Остаток эклера выпал из Дашкиных рук, угодив в лужицу карамельного соуса на краю тарелки. Рыжие брызги разлетелись по столу.

– Вы – сэр Эклер? – Дашка, наконец, удостоила собеседника взглядом и сразу смягчилась при виде его забавной кудрявой шевелюры. Дашкины волосы тоже мелко завивались, и это сходство несколько расположило ее к нему. К тому же, возраст мужчины явно близился к шестидесяти, а таким взрослым людям дерзить всегда сложнее, чем ровесникам.

Для человека, связанного с кондитерским делом, он был слишком сухощав. «Разве бывают такие тощие пироженички? – удивленно подумала она. – Как можно целыми днями находиться в окружении сотен пирожных и оставаться худым, как щепка? Похоже, этот тип врет. Но что ему надо? И вообще, он больше на сыщика похож. Глаза, вон, как сканеры... Наверное, вынюхивает что-то».

– Меня зовут Эдуард Клер, поэтому смело можете называть меня Эклером. Многие так и делают, я не возражаю. Мне это даже приятно, ведь эклеры – моя судьба. Жизнь нескольких поколений моих предков была тесно связана с этими пирожными, а начало семейной традиции положила легендарная Фанни Фармер, моя троюродная прабабка, написавшая Поваренную книгу Бостонской кулинарной школы. Она включила в нее один из способов приготовления эклеров, который, по ее словам, раздобыла из надежных источников, чуть ли не у самого создателя этого кулинарного шедевра, француза Антуана Карема, но, по слухам, в описании состава ею был пропущен один важный ингредиент. Неизвестно, намеренно Фанни это сделала или по ошибке, но рецепт, рассказанный ею по секрету кому-то из родных, отличался от указанного в Поваренной книге. Так вот, именно устный рецепт, который впоследствии передавался из поколения в поколение, в конце концов, достался мне в наследство от моей матушки, и те, кто пробовал оба варианта эклеров, утверждают, что мои гораздо лучше, чем приготовленные по той книге.

– Хм... интересно. Наверное, ваша Фанни была ведьмой и передала особый рецепт эклеров, чтобы сводить людей с ума, – заявила Даша, не заботясь о родственных чувствах владельца кондитерской.

Он, казалось, ничуть не обиделся на ее издевку, и участливо спросил:

– Не можете удержаться от лишней порции пирожных?

– Ага. От кучи лишних порций! И поэтому меня так разнесло!

– Понимаю. – Сэр Эклер грустно моргнул. Его светло-желтые глаза отливали карамельным гляncем.

– Понимаете? Да откуда вам знать, каково превратиться в плюшку для девушки моего возраста? Вы ведь не девушка, и вам-то давно не семнадцать, – усмехнулась Даша.

– Н-да... и уже очень давно, – задумчиво произнес потомок легендарной Фанни Фармер, потирая правую бровь средним пальцем. Ноготь на нем отливал нездоровой зеленью, будто давно отмер. Дашку передернуло от мысли, что тот может отпасть прямо у нее на глазах.

Словно кожей почувствовав ее неприязненный взгляд, Сэр Эклер спрятал руки под столом и, подавшись вперед, прошептал:

– У меня есть средство от твоей печали.

От неожиданности Дашка даже не заметила, что хозяин кондитерской перешел с ней на «ТЫ».

– Иголлка с ниткой, чтобы зашить мой рот? – пошутила она, но уже без злости. Ей хотелось поскорее узнать, о чем пойдет речь, но Сэр Эклер не спешил продолжать, разглядывая ее с пристрастием патологоанатома перед вскрытием. Дашка в жизни своей не видела работников морга, но почему-то была уверена, что у тех, кто кромсает мертвые человеческие тела, должен быть точно такой же внимательный, но абсолютно бездушный взгляд.

– Ну, так что вы там предлагаете? – поторопила его Дашка. – Надеюсь, это не личинки паразитов, которые потом вырастут в гигантских червей и съедят во мне все ненужное?

– А что, вполне действенный способ! – шутливо ответил кондитер, но глаза его при этом остались серьезными. – От него вес быстро приходит в норму, им пользуются даже кинозвезды. Похудеешь, повеселеешь, помиришься с подругами. Подумаешь, черви!

– Ой, бе... – Дашка высунула язык, изображая рвотный позыв. – Не надо за столом о червях!..

– Но ты сама начала, – возразил он и умолк, остановленный ее тирадой:

– Лучше уж стану жирной, как... как вон та тетка! – Дашка стрельнула взглядом в сторону столика, за которым восседала на редкость крупногабаритная дама в пушистом свитере. – Такой ценой мне худоба даром не сдалась. Да и без подруг обойдусь, нужны мне эти предательницы! Вон, есть у меня одна подруга – моя тень, и хватит. Слушает, не перебивает, слухов не распускает, и всегда рядом. Лучше не найти!

Неожиданно Сэр Эклер откинулся на спинку стула и зашелся гомерическим хохотом. Дашка смутилась:

– А что я такого смешного сказала-то?

– Истину глаголешь! – ответил он, закатывая глаза и театрально воздевая руки над собой. Но вдруг придвинулся к ней так близко, что едва не уткнулся кончиком длинного тонкого носа ей в ухо. – А хочешь обзавестись настоящей, живой тенью?

Дашка вскинула на него испуганно-вопросительный взгляд:

– Что значит «живой»?

– Ну, живая тень – это не бесполезное отражение, целиком зависящее от того, как на тебя падает свет, а верная и преданная спутница, которая будет рядом с тобой всегда, даже когда все прочие тени исчезают.

– Никогда не слышала о таких тенях. Вы меня за дурочку держите.

– Я могу показать тебе место, где таких теней видимо-невидимо, и ты сможешь выбрать себе любую, какая понравится.

– В такую фигню я, само собой, ни за что не поверю, но всякие фокусы обожаю. Пожалуй, взгляну на эти тени. И где же они?

– О, я так и знал, что ты не откажешься. – Сэр Эклер оживился, воровато огляделся, как-то нервно щелкнул костяшками пальцев («Ногти бы не поотлетали!» – с ужасом подумала в этот момент Даша), и зашептал:

– Приходи сюда завтра к двум часам.

– У меня занятия в школе, – перебивая, буркнула Даша. – Все-таки последний год, как-никак, впереди ЕГЭ. Не хочу пропускать.

– Ночи, – с нажимом произнес кондитер и повторил, заметив ее растерянный взгляд: – В два часа ночи. И не к парадному, а к черному входу. Через арку пройдешь, и жди там. Я тебя встречу.

– Можете не продолжать. Никто меня в это время из дома не выпустит! – сердито отрезала Даша и посмотрела на собеседника с нескрываемым подозрением.

– А ты собираешься всю жизнь разрешения спрашивать? Семнадцать лет, вроде бы не маленькая уже. Вызови такси и выскользни потихоньку. Через пару часов вернешься, по крайней мере до рассвета точно. Родители и не заметят, что ты уходила. А если и заметят, так тебе поможет твоя новая подруга, настоящая тень. Ведь ты вернешься вместе с ней.

– Не, ну бред, вообще! И как она мне поможет?

– Настоящие тени невероятно изобретательны. Ты сама увидишь. Я уверен, тебе понравится. С тенью ты заживешь припеваючи и забудешь о том, что хотела прыгнуть с моста.

Под натиском противоречивых чувств, нахлынувших на нее, Дашка даже внимания не обратила на последнюю фразу Эклера, и только добравшись до дома, пришла в себя и ужаснулась: да откуда же он узнал про мост? Ведь это были лишь мысли! А о ссоре с подругами как догадался? Он, что, телепат? Или экстрасенс какой-нибудь? Только паранормальщины ей не хватало. Дашка считала, что лучше держаться подальше от всего сверхъестественного. Вещи и явления, которых она не понимала, раздражали и тревожили ее. Тоска накрыла Дашку темной волной, загнала под одеяло раньше обычного, заставив забыть об ужине, отчего Дашкина мама, обнаружив дочь в постели, обеспокоенно поинтересовалась, не заболела ли та ненароком. Дашка ответила, что переутомилась в школе и хочет спать, хотя сна не было ни в одном глазу. Всю ночь она ворочалась с боку на бок. Внутри не утихал трепет от предчувствия грядущих перемен: она знала, что пойдет на встречу, несмотря на страх и скептицизм, ведь это ее единственный шанс изменить жизнь к лучшему. Конечно, риск нарваться на неприятности казался огромным: мало ли, вдруг этот Эклер – маньяк или сумасшедший сектант, но с другой стороны, отвергнув его предложение, она рано или поздно шагнет в воздух с моста на Чернавинском проспекте. Так что, рискнуть стоило.

На следующий день после полудня Дашка снова поедала эклеры в кафе, но о смерти в этот раз уже не думала. Ее взгляд блуждал вдоль барной стойки и скользил по лицам сотрудников, выходявших из дверей служебного входа. Она ждала появления Сэра Эклера, надеясь вызнать у него больше подробностей о предстоящей встрече, но он так ни разу и не появился в зале. Зато необъятных размеров дама в том же самом пушистом свитере сидела за тем же столиком, что и вчера, и в такой же позе – спиной к Дашке, словно с тех самых пор не сдвигалась с этого места. Наверное, тоже фанатка эклеров. Интересно, грустит она по поводу лишних килограммов или нет? Весит-то, похоже, больше центнера! Дашка пока что еще не докатилась до такой умопомрачительной цифры, хотя этим утром весы и выдали ей на два кило больше, чем вчера. Если так пойдет и дальше, ее вес достигнет сотни примерно через неделю.

Скорее всего, этой тетке давно плевать на свою фигуру, иначе бы она не носила пепельно-розовый свитер, который ее чудовищно полнит, но вот здоровье-то у нее, должно быть, неважное. С таким весом долго не живут, а ведь она продолжает толстеть дальше. Точно до старости не дотянет. Впрочем, как и Дашка: если так называемая живая тень ей не поможет, то ей тоже грозит ранняя смерть от ожирения. При условии, что она еще раньше не спрыгнет с моста, конечно.

Дашка поймала себя на том, что снова думает о смерти, и вернулась мыслями к загадочному кондитеру и предстоящей ночной встрече. Так и не дождавшись его появления, она расплатилась и вышла на улицу. По дороге домой Дашка заглянула в арку, ведущую во двор дома, где находилось кафе. Проход закрывали черные решетчатые ворота, запертые на огромный висячий замок. Это обстоятельство ее озадачило. Оставалось надеяться, что к ночью Сэр Эклер отопрет их, ведь он обещал ее встретить.

Когда спустя несколько часов Дашка вновь подошла к арке, ворота оказались открыты настежь, но кондитера поблизости не было видно.

В два часа ночи Чернавинский проспект выглядел совсем не так жизнерадостно, как днем или вечером, а под арочными сводами и вовсе было жутко, как в склепе. Дашка медлила, собираясь с духом, чтобы пройти через арку во двор, а заодно прислушивалась, не бродят ли там какие-нибудь темные личности. Из глубины двора донеслись звуки классической музыки – тихие и редкие, как будто вкрадчивые. Но с каждым мгновением ритм медленно нарастал, как и громкость.

«Кому взбрело в голову включать музыку посреди ночи?» – удивилась Дашка, пытаясь отыскать взглядом хотя бы одно освещенное окно в глубине двора, но таких не было. За аркой стояла темнота, поджидая, когда Дашка осмелится шагнуть в ее распростертые объятия.

Рука нащупала в кармане перцовый баллончик, который, конечно же, едва ли выручит ее в случае реальной опасности, но с ним было как-то спокойнее. В спину подул ветер, словно нарочно подтолкнул. Дашка быстро прошагала до конца арки, остановилась и осторожно выглянула из-за угла.

– Ну, наконец-то! – прозвучало из темноты неподалеку. – Где тебя носит? Идем скорее, чего застыла?

Словно черт из табакерки, откуда-то снизу вынырнул Эклер – его светлая курчавая шевелюра, похожая на кремовую верхушку капкейка, замаячила у стены дома на уровне подвального окна. Дашка нерешительно двинулась к нему, недоумевая, почему это кондитер появился из-под земли, но потом увидела прямоугольное углубление и ступени, ведущие к наполовину скрытой внизу приоткрытой двери. Музыка доносилась как раз оттуда. Теперь она звучала громче и быстрее, и Дашка поняла, что слышала ее много раз в своей жизни, но почему-то не смогла вспомнить композитора. В классической музыке она совсем не разбиралась.

В подъезде царила такая же темень, как и снаружи, но на лестнице их встретил мужчина с огромной свечой в руках. Он повел их вглубь здания по лабиринту из коридоров через потайные ходы, замаскированные картинами, портьерами, шкапами и даже чучелами зверей – им пришлось пробираться к очередному проходу сквозь тело огромного бурого медведя, оказавшееся внутри пустым, как поделка из папье-маше. Но шкура и морда выглядели вполне натурально. Глаза косолапого, казалось, следили за ними, хотя зрачки были неподвижны, а из разинутой пасти даже вырвался звук, похожий на сердитое урчание, но потом оттуда с жужжанием вылетела огромная зеленая муха, и стало ясно, что это она там шумела.

В конце концов, человек со свечой (в полутьме Дашка видела только его отвисшие щеки и определила, что он был примерно одного возраста с Эклером) привел их в пустынный зал без окон, посреди которого белело нечто вроде ширмы, перегораживающей его от пола до потолка. Провожатый попросил их пройти на свои места и удалился.

За ширмой на стульях сидели какие-то люди: тусклый свет от свечей, расставленных по углам, не позволял рассмотреть их как следует, Дашка заметила только, что там были мужчины и женщины разного возраста, но явно не юного. Они сидели на стульях, расставленных перед ширмой буквой «П». Изящные спинки стульев, обтянутые дорогой обивкой, возвышались над их головами, поэтому Дашка не сразу увидела, что за ними скрывается еще один ряд сидящих людей. «Прям кинотеатр какой-то», – мелькнула у нее мысль, пока она шла к единственному свободному месту в заднем ряду, куда ее направил Эклер. Стулья здесь были попроще, без обивки, и стояли куда теснее, так что сидящие соприкасались друг с другом плечами и локтями. Дашке, еле втиснувшейся между двух незнакомых парней, стало неудобно. Она приготовилась огрызаться, ожидая, что кто-нибудь из них отпустит колкость по поводу ее полноты, но к счастью, те словно бы не заметили ее появления, не удостоив даже мимолетным взглядом. Они таращились на белую ширму так, будто та была киноэкраном, где шел захватывающий фильм. Дашке захотелось спросить у них, что они на этой ширме увидели интересного и какое мероприятие здесь ожидается, но тут вдруг вспомнила, что Эклер строго-настрого запретил ей заговаривать с присутствующими и потребовал не сводить глаз с белого полотна. То есть, она должна была вести себя так же, как эти парни и все остальные люди в ее ряду. «Выполняй все в точности, как я сказал, иначе ничего не выйдет», – предостерег ее кондитер. А сам устроился с комфортом на мягком стуле впереди, между тщедушной дамой с высокой старомодной прической и мелким человечком в огромных очках, не толстым, но при этом абсолютно круглолицым. Все трое начали озиаться и перешептываться, словно запрет на разговоры их не касался. Дашка сделала вывод, что на задний ряд усадили тех, кто должен был подчиняться правилам

людей из первого ряда. Означало ли это, что Дашка оказалась в числе гостей второго сорта, или нет, но ей стало неприятно.

А потом ее одолела невыносимая скука. Сидеть, молча смотреть в одну точку и при этом не заснуть было абсолютно нереально, тем более, что время близилось к трем часам ночи, поэтому то, что произошло дальше, ускользнуло от внимания Дашки: она задремала и пропустила все самое интересное. Правда, она не могла сказать точно, в какой именно момент явь сменилась сном – когда появилась властная женщина в красном плаще и начала выкрикивать что-то на непонятном языке, или когда на подсвеченной ширме замечались странные тени, или когда ширма вдруг растворилась в воздухе, и за ней вместо пустынного зала обнаружилась широкая пыльная дорога, убегавшая в темный лес. Дашку понесло вдаль вместе со стулом, а потом оказалось, что сидит она не стуле, а в открытой повозке, запряженной парой черных коней, крупных, но страшно тощих – ребра да мослы под шкурой, и управляет конями такой же тощий возница: иногда он оборачивался, и Дашке казалось, что под капюшоном его черной потрепанной накидки желтеет голый череп.

Повозку тряхануло на ухабе так, что Дашкина голова запрокинулась, и ее взгляд уперся в огромную блеклую луну, занимавшую полнеба. На ее светящемся фоне была отчетливо видна летящая верхом на метле ведьма с клочковатой копной волос, развевающейся на ветру. Вслед за ней летел старик в колпаке и с такой длинной бородой, что ее конец терялся во тьме далеко за пределами его тела. Когда и старик, и ведьма миновали луну и скрылись из виду, Дашкин взгляд сместился ниже, к зубчатой кромке леса: в одном месте макушки деревьев подозрительно сильно раскачивались и трещали. Кто-то ломился сквозь чащу, огромный, как слон. Но версия со слонем отпала, когда Дашка заметила движущееся над кронами скопление ветвей, похожее на гигантское развороченное гнездо. В реальной жизни гнезда не могли перемещаться сами по себе, поэтому Дашка даже не удивилась, уверенная в том, что видит сон.

Рядом кто-то тихо ахнул.

Оказалось, что парни, соседствовавшие с ней в зале, сидели в этой же повозке, мчавшейся в неведомые дали Дашкиного сна. Их лица были бледнее луны, висевшей над ними. Позади послышался нервный выдох – может быть, там находились остальные гости с заднего ряда, но оглядываться она не стала, мало ли... А вот куда подевались важные персоны с переднего, Дашка не поняла. Наверное, им не нашлось места в ее сне. Это вызвало у нее беспокойство, захотелось проснуться, чтобы не пропустить момент выбора живых теней, о которых говорил Эклер, но несмотря на все усилия, сон продолжался.

Повозка гроыхала деревянными колесами, подсакивая на неровностях, и, казалось, могла развалиться в любой момент. Дашка надеялась, что этого не случится, ведь идти пешком через этот жуткий корявый лес страшно было бы даже во сне. В зарослях то и дело мелькали огоньки чьих-то глаз, их становилось все больше и больше, словно к дороге стягивались звериные стаи со всей округи; порой на ветвях шевелилось что-то живое и, судя по очертаниям, человекообразное: во тьме проступали бледные пятна, похожие на лица, листву раздвигали когтистые руки, высывались длинные бородавчатые носы, а над ними сквозь густые космы недобро сверкали чьи-то глаза, провожая повозку внимательным взглядом. Обилие враждебно настроенной лесной живности совершенно не тревожило коней, они стремительно мчались вперед, звонко цокая копытами, длинные черные гривы реяли над ними, как пиратские флаги. Либо костлявые туши не представляли интереса для местных хищников, либо хищники питались не живой плотью, а чем-то совсем другим, либо... либо их отпугивал возница, казавшийся Дашке самым жутким персонажем накрывшего ее кошмара еще и потому, что находился к ней гораздо ближе лесных тварей.

Но чуть позже стало ясно, что она поспешила с выводами насчет самого жуткого. Сон продолжался дальше, и вскоре она очутилась в окружении целого скопища таких невообрази-

мых существ, что даже засомневалась – а сон ли это? Может быть, все дело в том, что она лишилась разума? Ведь едва ли подобные странности могут присниться здоровому человеку.

Когда лесная чаща поредела, расступилась, а потом и вовсе осталась позади, вдали открылось обширное поле, очерченное с одной стороны закруглявшейся стеной каменного замка, а с другой – бушующим морем. Вдоль стены теснились повозки всех мастей: грубые телеги и благородные кареты, модные коляски и заморские колесницы, легкие брички и массивные тарантасы, и еще множество какого-то старинного сухопутного транспорта. На черных волнах неизвестного моря на приличном расстоянии от берега покачивались корабли древней конструкции. А в поле не было ни одного свободного пятка, оно сплошь кишело народом, снующим среди длинных столов, заваленных горами неразличимой издали массы. Судя по всему, там шла оживленная торговля.

Всего-навсего ярмарка. Ничего особенного, если не присматриваться к покупателям, продавцам и их товарам.

Потому что это была ярмарка мерзостей.

5. Ярмарка мерзостей

Возница направил коней к стене замка, остановил повозку между двумя огромными черными каретами и спрыгнул на землю. Дашке показалось, что при этом загремели все его кости. Увидев, что он удаляется, она хотела было окликнуть его и спросить, идти ли им следом или оставаться на месте, как вдруг увидела чуть поодаль, напротив распахнутых ворот, ведущих во двор замка, группу людей. Мелькнула знакомая шапка седых кудряшек. Сэр Эклер был там! Словно почувствовав на себе ее взгляд, кондитер обернулся и призывно махнул рукой. Рядом с ним сверкал стеклами очков низенький круглолицый мужчина, похожий на доктора, покачивала высокой прической тщедушная дама, мелькали и другие знакомые лица – все люди из первого ряда, которых Дашка потеряла из виду, нашлись! Значит, их тоже привезли сюда. Может, даже на этих вот черных каретах с огромными колесами. Наверное, их экипажи были гораздо быстрее, поэтому мгновенно скрылись из виду, будто растворились в воздухе. Странно, конечно, что Дашка не видела, как гости садились в эти кареты, да и сама не помнила, чтобы забиралась в повозку, но ведь и помимо этого странностей в ее сне хватало, так что подобным мелочам придавать значение точно не стоило. Может быть, она просто забыла этот момент, ведь порой сны стираются еще до пробуждения. По крайней мере, с ней такое случалось.

Дашка неуклюже сползла с повозки. Ноги после долгого сидения плохо слушались. Остальные пассажиры последовали ее примеру и тоже начали высаживаться. Они так растерянно озирались, словно прибыли на неизвестную планету. Теперь Дашка могла их рассмотреть: все ее попутчики были примерно одного с ней возраста или чуть старше – молодые парни и девушки, похожие друг на друга угрюмым видом. Их оказалось тринадцать, ровно столько, сколько и тех, к числу которых относился Эклер. «Чертова дюжина! – мелькнула у Дашки мысль. – Точнее – две дюжины. Символично, однако».

До слуха Дашки донесся женский голос:

– Мне так не терпится посмотреть на диковинки меркаторов, вдруг они привезли что-то новенькое? – Дама с волосяной башней на голове привстала на цыпочки, устремив взгляд в центр ярмарки.

– Вы это о купцах? – спросил у нее Эклер, глядя в ту же сторону.

– Да, именно. Меркатор – это купец на латыни, разве вы не знали? Пани Божена часто использует латынь, когда дело касается потустороннего мира. Это необходимо, чтобы не возникало путаницы при общении в нашем многоязычном обществе. Ведь в него входят теософы разных стран.

– Да, я знаю. Просто Божена редко у нас бывает, и вот, как-то забывается латынь. Память-то с годами острее не становится.

– Вот и подберите здесь что-нибудь от забывчивости! – Дама захихикала, томно прикрыв рот ладошкой. – Нельзя же думать только о делах, надо и о себе заботиться.

– Смотря сколько его подземельное величество заплатит нам за кадаверов. Если вообще не лишит вознаграждения из-за этого опального новичка.

– Не лишит: я видела, что после заседания Осдемониум повел Божену в сокровищницу.

– Осде... кто? – Эклер растерянно потер приподнятую бровь.

– Ну, Кощей же! – раздраженно ответила дама. – Осдемониум с латыни – Костяной демон. Неужели вы и это забыли?

– Кощей звучит как-то привычнее, – попытался оправдаться кондитер.

– Это для нас привычнее. А, например, на украинском его имя произносится как «Чахлик», на белорусском «Здыхлик», что, согласитесь, совсем не благозвучно. На Западе и вовсе считают, что древнегреческий Аид и славянский Кощей – одно и то же лицо, якобы он многолик и может бывать одновременно в нескольких местах, поэтому давайте не будем отступать

от правил. В нашем обществе он – Осдемониум. А если забываете, так почаще штудировать методический материал, составленный пани Боженой. Вдруг вам придется выйти в высокое общество? Поедете, например, на конференцию теософов в Лондон? Ведь опростоволоситесь же, право слово!

– Зачем в Лондон? – Эклер пожал плечами. – Я человек маленький, мне и в провинции хорошо.

Дашка, давно стоявшая за спиной Эклера, ловила каждое слово этой любопытной перепалки. «Тэк-с... Не зря я подозревала, что Эклер – сектант. Да и все они – поехавшие оккультисты. Как только проснусь, сразу же свалю. Пусть это и не реальный разговор, а приснившийся, но, думаю, такие вещи снятся неспроста. И возможно, говорят они все это на самом деле – там, в зале, пока я сплю, сидя на стуле. Вдруг я слышу их сквозь сон? Бежать, бежать! Как бы только поскорее открыть глаза?»

– Идут! – воскликнул вдруг круглолицый мужчина в очках, и все обернулись. Взгляды устремились мимо Дашки и прибывшей вместе с ней группы молодежи – к распахнутым воротам замка.

Из темного двора, куда по неизвестной причине не проникал свет луны, выступили два силуэта – мужской и женский. Складки алых плащей струились по их телам подобно кровавым ручьям. Красивое лицо женщины портило выражение не то жестокости, не то крайнего возмущения. Мужчина же выглядел так, будто только что избежал смертной казни: тихое ликование сквозило в его усталом, расслабленном взгляде.

Ворота плавно закрылись за ними – сами по себе, или же кто-то их двигал, видно не было. Громко, и как будто зло, лязгнули засовы. Мужчина вздрогнул и нервно оглянулся. Женщина и бровью не повела. Походкой победительницы она приблизилась к поджидавшему ее обществу, скользнула взглядом по лицам, на миг задержавшись на Дашкином (если Дашке не показалось со страху), и торжественно изрекла:

– *Pacta sunt servanda!* – Выдержав паузу, она продолжила: – Для тех, кто не понял: договоры должны соблюдаться. Именно это я сказала Осдемониуму, когда попросила об отсрочке. И хотя он впал в ярость, но все же согласился, что перенесение сроков исполнения – это еще не отказ от исполнения. Наш новообращенный получил отсрочку! – Она вскинула руку, и зародившийся было в окружавшей ее толпе радостный гомон смолк. – Но я сказала, что все мы за него ручаемся. Так что, в случае неисполнения будем отвечать наравне. И еще – ставка выросла в десять раз. Вместо одной Осдемониум хочет десять жертв в год. Без паники! Я уже все придумала. В будущем году мы это сделаем! А там... посмотрим.

Женщина запрокинула голову и посмотрела вверх, на замок. Дашка проследила за ее взглядом. В оконном проеме высокой башни темнел мужской силуэт, неподвижный, как изваяние.

– Осдемониум... – выдохнул кто-то.

– Да, это он. Наблюдает за нами. Что ж, нам пора за покупками. Хоть повелитель смерти и был ужасно зол, но все же не поскупился! – Воинственная дама в красном плаще (Дашка уже догадалась, что это была любительница латыни Божена, важная гостья, прибывшая издалека), тряхнула увесистым кошельком, появившимся в ее руке как по волшебству. Внутри что-то тяжело звякнуло.

На этот раз Божена не стала утихомиривать своих соратников (или кем там они ей приходились), и те разразились бурей восторга от предстоящего похода на ярмарку. Дашке и самой невтерпёж было туда попасть: она еще при подъезде к замку заметила на прилавках много всего интересного. Даже фраза о жертвах, сказанная Боженой, пролетела мимо ее ушей. Правда, позже она о ней вспомнила. Но гораздо позже.

Гул, доносившийся с ярмарки, стал просто оглушительным, когда они дошли до первых рядов. Бросилось в глаза то, что все продавцы внешне почти не отличались друг от друга:

в одинаковых холщовых накидках с огромными капюшонами, свисающими до подбородка, они перебирали свой омерзительный товар, склонившись над прилавками. Дашка старалась не думать, для чего могло понадобиться то, что там лежало: к примеру, разнокалиберные кости и ожерелья из зубов, человеческие черепа и мумифицированные головы, связки дохлых мышей и крыс, банки с мухами, пауками и лягушками, увесистые книжные тома в черных кожаных переплетах с оккультными символами, растения в горшках с бутонами цвета сырого мяса и шипастыми лепестками, то раскрывающиеся, то захлопывающиеся с клацающим звуком, груды круглых и гладких, как морская галька, камней, и еще много всякой всячины, не похожей ни на что, кроме мусора. Кое-где стояли клетки с птицами, в основном – воронами и совами. Встречались и экзотические виды. У одной птицы – очень крупной, размером с человека – было черно-белое оперение, мощный алый клюв и густой веер из перьев на голове, как у индейского вождя. Залюбовавшись, Дашка остановилась рядом с клеткой, в которой та сидела, понурившись. Из умных и грустных глаз, казалось, вот-вот покатятся слезы. Птица жалобно проворковала что-то, и Дашка, умилившись, не сдержалась – просунула пальцы сквозь прутья клетки, желая приласкать. Тотчас перья птицы вздыбились и засверкали, как молнии, клюв раскрылся, и из птичьего горла вырвался... самый настоящий раскат грома! Дашка взвизгнула, отдергивая руку, но не успела убрать: продавец перехватил ее в воздухе. Капюшон всколыхнулся над его лицом, обнажив жидкую козью бородку и недовольно сжатые губы. Глаза остались скрыты под тканью, но Дашка чувствовала, что продавец смотрит на нее сквозь мелкие поры в полотне.

– Импундулу! – выкрикнул он нечто, похожее на колдовское заклинание.

Дашка хотела извиниться, но не смогла раскрыть рта и решила, что продавец ее заколдовал. «Действительно, назвать такую личность купцом было бы слишком просто, – подумала она. – Права эта Божена, меркатор ему подходит куда больше. Всем им». Она огляделась. Продавцы за соседними прилавками пялились на нее сквозь свои капюшоны, да и покупатели тоже (последние, надо сказать, заслуживали отдельного внимания, но пока Дашке было не до них). Дашкины спутники вместе с Боженной тоже остановились и ждали, что будет дальше.

Птица успокоилась, увидев, что никто к ней в клетку больше не лезет, и снова приняла кроткий обиженный вид.

«Вот притворуша!» – поразилась Дашка, стараясь высвободить руку из хватки купца. Он нехотя разжал пальцы на ее запястье и повторил свое заклинание, добавив на этот раз:

– Импундулу! Берешь или нет?

Стало ясно, что речь шла о птице – не то это «Импундулу» было ее кличкой, не то названием породы или вида.

Дашка не смогла ему ответить, язык снова отказался слушаться. «Все-таки этот меркатор меня заколдовал!» – огорчилась она.

Продавец же, видимо, решил, что покупательница колеблется, и принялся расписывать достоинства птицы:

– Центральная Африка, бассейн Конго. Мечет громы и молнии. Верная защитница от всякого врага. Служила вождю племени, на которого сошел дух могущественного ориша. Хорошо обучена. Но учтите, что прирученная ценится втрое выше, чем дикая. Такую нигде больше не купите.

Из-за отсутствия дара речи Дашке ничего не оставалось, как повернуться и пойти дальше, но, не сделав и десятка шагов, она замерла, как вкопанная. В очередной клетке металась уменьшенная копия птерозавра, с такой страшной обугленной кожей, будто эта крылатая тварь только что вырвалась из ада. В бледно-зеленых глазах со змеиными зрачками застыла ледяная ярость, кожистые крылья бились о решетчатые стенки, когтистые лапы выдирали щепки из деревянного пола, а два ряда мелких острых зубов в разинутой пасти отбивали всякую охоту приблизиться к прилавку – заинтересованная публика разглядывала диковинное существо, держась на приличном расстоянии.

– Конгамато, неукротимый убийца из Танзании! – прорекламиривал торговец. – Превосходная дрессура! По команде убивает жертву одним взглядом!

Дашка на всякий случай поспешила отвернуться от монстра. В толпе мелькнуло знакомое лицо низенького очкарика – одного из «сектантов» (разобравшись, кто есть кто, она прозвала так людей, сидевших в первом ряду в зале дома на Чернавинском проспекте, а молодежь с заднего ряда окрестила «паствой»). К мужчине в очках остальные «сектанты» обращались либо «Арчи», либо «Апчи» – она толком не расслышала, но по разговорам поняла, что тот имел какое-то отношение к фармацевтической деятельности, и называла его про себя аптекарем.

Увидев, что аптекарь звенит монетами, собираясь расплачиваться, Дашка поспешила туда, желая посмотреть на выбранный им товар. Меркатор как раз наполнял мелкими разноцветными шариками бумажный кулек, явно для аптекаря. Рядом стоял еще один мужчина из «сектантов» и часто шмыгал покрасневшим носом. Он держал большую банку с зелеными мухами. Как правило, мухи никогда не вызывали у Дашки особого интереса, но не в этот раз. На таких мух, без сомнения, посмотреть стоило.

– Это адзе, – начал объяснять меркатор, заметив ее заинтересованный взгляд. – Мухи-колдуны из Ганы. Где-то их называют вампирами, но мне известно, что они пьют не только кровь, а пожирают все внутренности своей жертвы, оставляя лишь оболочку из кожи.

Дашку передернуло от омерзения.

– Но главное магическое свойство адзе в том, что они способны превращаться в людей. Это сильные маги, скрывающиеся под видом насекомых. Им нравится летать всюду и наблюдать за жизнью других, не привлекая к себе внимания, поэтому в человеческом облике их застать трудно. Однако мои адзе обработаны заклинанием повиновения, действующим бессрочно, и будут послушны тому, кого я назову их новым хозяином. Дюжина таких мух-колдунов может заменить целую армию.

Подошла Божена, заглянула простуженному мужчине через плечо.

– А есть у вас пауки-оборотни?

– Только японские кумо, карликовая разновидность. Осталось две сотни.

– Как раз то, что надо. Забираю всех.

«На пауков смотреть не буду! Это выше моих сил! – подумала Дашка, отправляясь дальше по торговому ряду. – Понавезли заморских монстров, видите ли! Будто тут своих мало! Разбегутся еще да как порасплодятся, рожки да ножки от местных тварей останутся. Н-да... те, что в лесу, и то не такие страшные».

Спеша удалиться от скопища насекомых, пусть и запертых в банках, но все равно вызывающих чувство омерзения, Даша сбила с ног кого-то из покупателей, толпившихся у соседнего прилавка. Упавшее на землю существо дико, по-пороссячи заверещало, проворно вскочило на ноги и вцепилось в Дашку.

– Гадина! – Маленькие злые глазки сверкали из-под растрепанных волос, глядя снизу вверх, ноздри мелко тряслись на длинном и кривом, как старая сосулька, носу, сильно выпяченная нижняя губа обиженно съежилась «гармошкой». С виду это была очень уродливая женщина, не старуха, но солидного возраста, и ростом едва ли выше метра.

Дашка открывала и закрывала рот, не в силах вымолвить ни слова, чтобы принести извинения, язык все еще не слушался.

– Повинись, девка, да от души повинись! – сказал кто-то поблизости. – Не то шишига тебе житья не даст!

Рядом, неодобрительно покачивая головой, стоял синюшный труп с густыми усами цвета спелой пшеницы, в белой рубаше, меховой безрукавке и красных штанах. Один глаз у него отсутствовал, и в глазнице ворочались толстые желтые черви.

Резко отшатнувшись, Дашка нечаянно сбросила с себя оскорбленную шишигу, та снова упала и пришла в полное неистовство. Сидя на земле, она затопала ногами, затрясла кулаками и завопила:

– Ах, ты, поганка! Вот уж не уйдешь теперь! Вот уж не уйдешь!

– Ну надо же! – раздался над Дашкой голос Божены. Предводительница «сектантов» была на целую голову выше нее. Одной рукой она прижимала к себе склянку с черными пауками, другой вцепилась Дашке в плечо и увлекла за собой в сторону от места скандала. – Поразительно, как ты умудрилась нарваться на неприятности, если не в состоянии проронить ни слова! – усмехнулась она, искоса разглядывая ее.

«Откуда она знает? Так вот оно что! Она же это со мной и сделала, колдовка! – поразились Дашка, но вслух, конечно, ничего сказать не смогла, только обожгла гневным взглядом свою властную спутницу.

– Ты права, я позаботилась о том, чтобы вы, новообращенные, не болтали между собой. Не переживай, твоя немота временная. А ты занятая! – Божена улыбнулась. – Из тебя может выйти толк. Но посмотрим сначала, какую тень ты выберешь!

«Да нет здесь никаких теней, одна экзотическая флора и фауна с магическими особенностями!» – мысленно возразила Дашка.

– Мы только первый ряд прошли, – неожиданно ответила Божена, снова дав понять, что запросто читает ее мысли. – Можем сразу пойти к живым теням, если тебе наскучило здесь бродить. А мне тут нравится. Каждый год на праздник урожая в темную часть Лукомории съезжаются меркаторы со всей земли. Иной земли, если ты догадалась, потусторонней. Доступ сюда есть только у избранных, и теперь ты одна из них. Ну, почти. Вот-вот ей станешь, как только заключишь союз с живой тенью. Волнующий момент. Даже более трепетный, чем свадьба. Ведь что свадьба? Сегодня поженились, завтра разбежались. А тень – это навсегда, до самой смерти.

«Чьей смерти?» – мысленно переспросила Даша, впадая в отчаяние от понимания, что влипла в жуткую передрагу.

– Твоей, конечно. У теней нет такого прекрасного дара, как смерть и рождение. Они могут только возникать и исчезать, а это не одно и то же. Когда-нибудь ты поймешь. И не дергайся, умоляю! Бежать тебе здесь все равно некуда, тебя мигом схватят и передадут мне. Если, конечно, ты не угодишь в когти шишиги, от которой я только что тебя отбила. Второй раз тебе так легко не отделаться.

Дашка вздохнула. Хоть возможности вздохнуть ее не лишили, и на том спасибо. Бежать действительно было некуда. Реальный мир остался где-то далеко, и это «далеко» находилось за пределами ее понимания.

Будто заметив, что она готова сдаться, Божена вкрадчиво промурлыкала ей на ухо:

– Разве приятно быть толстухой, чувствовать себя неуклюжей уродиной и терпеть насмешки окружающих? Признайся, ведь тебе хочется утереть им всем нос? Уверю тебя, живая тень легко справится с этой задачей.

Дашка постаралась не думать, чтобы оставить Божену без ответа.

Торговля тенями велась на самом крайнем от моря ряду. Впечатления от всех прочих диковинок ярмарки померкли в сравнении с тем, что Дашка там увидела. Даже «живая нитка», потрясая ее до глубины души, теперь казалась милой штучкой. На первый взгляд это был вполне обычный клубочек ниток, но стоило присмотреться, и нитки оказались червями, тонкими и бесконечно длинными. Возле одного из прилавков, мимо которых они с Боженой шли, им встретилась знакомая дама с высокой прической. Она как раз выбирала клубок, роясь в корзине, и нитки-черви то и дело обвивали ее пальцы, завязываясь в узлы.

– Эта слабовата... и эта недостаточно тугая... а вот, пожалуй, подходящая! – Дама довольно захихикала, разглядывая свой посиневший от сдавливания палец, вокруг которого

обмоталась нитка-червь, а вид у нее при этом был, как у человека, замыслившего хитроумную каверзу. Дашка решительно не понимала, какая польза могла заключаться в подобном эффекте, но Божена похвалила свою соратницу за удачную покупку. Потом они встретили Сэра Эклера и аптекаря. Первый похвастался какой-то редкой специей, разжигающей непомерный аппетит (у Дашки мелькнула догадка, что многократное обжорство в его кафе с ней случилось неспроста), а второй сообщил, что нашел «лекарство для всех болезней» лучшего качества и даже дешевле, чем в прошлый раз.

«Что значит «для» всех болезней? Это, похоже, не оговорка!» – Вопросы и подозрения в Дашкиной голове росли, как снежный ком, и там совсем не осталось свободного места, когда она наконец-то узнала, что представляют собой те самые живые тени.

Но и раньше у нее возникали догадки, что это могут быть... призраки. Или демоны.

Пространство между прилавками казалось неоправданно широким, гораздо шире, чем в других рядах, зато народу было куда меньше. Из разговора «сектантов» (все они закончили делать покупки и примкнули к ним вместе с «паствой») выходило, что покупателей мало от того, что цены на товар в этом ряду многим не по карману: демоны и призраки стоили недорого. А потом выяснилось, для чего требовалось столько свободного места.

– Тролли, чистопородные скандинавские тролли! Настоящие горные духи! Не проходите мимо! За просмотр денег не беру! – раздался справа зычный голос меркатора. Торговец зазывал покупателей с таким рвением, что сразу было ясно – с продажами у него туговато.

«Ну, еще бы! – подумала, усмехаясь, Дашка. – Кто польстится на эти булыжники? Вон, на морском берегу таких же полным-полно. Какие тролли? Кого он хочет одурачить?»

Любопытство подтолкнуло ее к прилавку. Она взяла один из камней, повертела в руке, но, как и ожидала, не обнаружила никакого намека на магическую сущность и хотела уже положить его обратно, как вдруг камень случайно выскользнул из пальцев. Он скатился с прилавка и упал на землю с каким-то чересчур громким треском, будто лопнул от удара. В тот же миг стало темно. До этого тоже было не очень светло, но тут воцарился просто кромешный мрак.

– Отойди, Арон! Ты заслонил луну! – прокричал меркатор, и свет вернулся.

Посреди торгового ряда высились два каменных столба. Дашка подняла взгляд, и у нее отпала челюсть. Перед ней стоял великан размером с крупную гору вроде Килиманджаро, и активно вращал плечами, разминая конечности. Он был совсем не красавец: лысый, горбатый, с морщинистым лбом и огромным висячим носом, похожим на гигантский баклажан. Не сгибаясь, тролль почесывал длинной, как у гориллы, рукой свое правое колено.

– Наконец-то можно свободно вздохнуть! – прогремел сверху трубный бас. Тролль с любопытством разглядывал толпу, тотчас сбежавшую со всего рынка.

– Извини, Арон! – произнес меркатор, на этот раз уже не так громко – похоже, не стараясь, чтобы тот его услышал – и щелкнул пальцами.

Тролль исчез, а к ногам Дашки подкатился камень – тот самый, который она выронила.

– Что ты вытворяешь?! – процедила Божена, подталкивая ее в спину. – Так и тянет на приключения! Не трогай больше ничего, поняла?

И Дашка послушалась – до прилавка с тенями она дошла без происшествий, а они вполне могли случиться, учитывая, что товары вокруг были, судя по выкрикам меркаторов, крайне опасные.

– Арабские джинны! Огненные, как солнце! Согреют или сожгут по вашему желанию! А так же исполнят любую прихоть!

– Диббуки, Израиль! Придумают для вас мечту и воплотят!

– Древний Хундунь из Китая! Рожден раньше Вселенной! Устроит любую катастрофу по приказу владельца!

– Ази Дахака из Ирана! Повелитель бури! Сотрет ваших врагов в порошок вместе с их домами!

– Йорогумо, Япония! Огромный паук-оборотень! Достанет для вас кого угодно даже из-под земли и сожрет на ваших глазах!

Вскоре крикливые торговцы вместе с прилавками остались позади: дальше открывалась круглая просторная площадка. В ее центре горел высокий костер. Языки пламени взмывали ввысь, облизывая луну. Вокруг не было ни души. Дашка решила, что ярмарка закончилась, и живых теней в этот раз в продаже не оказалось, но Божена не проявляла признаков беспокойства и уверенно шла дальше.

За костром оказался еще один прилавок. Когда участники мистического сеанса из дома на Чернавинском проспекте, удивительным образом переместившиеся в Дашкин сон, подошли к длинному пустому столу, на котором стоял только небольшой черный ящик, какие бывают у фокусников, с круглым отверстием в передней стенке, меркатор, скучавший там, оживился и произнес с нескрываемым облегчением, будто увидел первых своих покупателей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.